

Николай Николаевичъ СТРАХОВЪ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

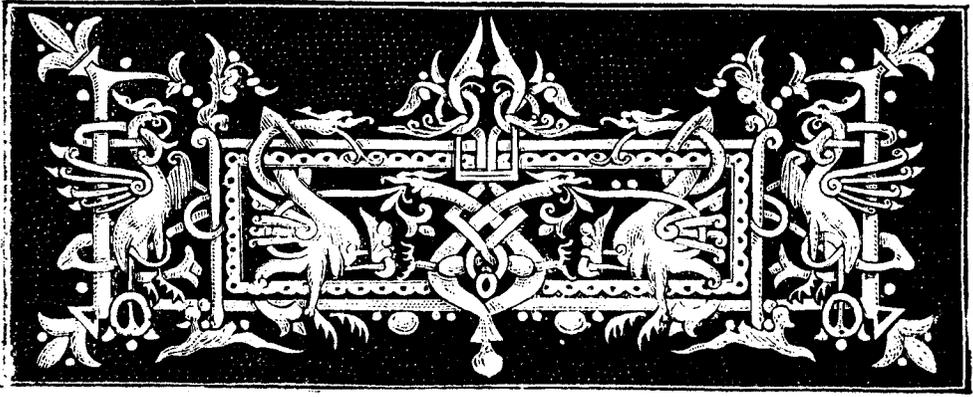
Б. В. НИКОЛЬСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1896

I.

НИКОЛАЙ Николаевичъ Страховъ родился 16-го октября 1828 года въ Вѣлгородѣ, старинномъ городѣ Курекской губерніи, на границѣ Великороссіи и Малороссіи. Отецъ его, Николай Петровичъ, великороссъ, былъ протоіереемъ и преподавателемъ словесности въ Вѣлгородской семинаріи. Онъ окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи, получилъ ученую степень магистра богословія и имѣлъ, кромѣ профессуры, приходъ. Женатъ онъ былъ на малороссіянкѣ, Марьѣ Ивановнѣ Савченко, изъ дворянской фамиліи. Въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи не рѣдки бывали случаи, что дворяне постунали въ духовное званіе: такъ точно и дѣдъ Страхова со стороны матери, подобно отцу, былъ протоіереемъ въ Вѣлгородѣ. Когда Страхову было всего шесть или семь лѣтъ, отецъ его скончался, и онъ только годъ посѣщалъ мѣстное духовное училище; затѣмъ, вѣроятно, въ 1837 году, мать увезла его и старшаго на годъ брата Петра въ Каменецъ-Подольскъ къ своему брату, бывшему тамъ ректоромъ семинаріи. Въ 1839 году дядя Страхова былъ переведенъ на такое же мѣсто въ Кострому и взялъ съ собою своихъ родственниковъ. Поступивъ въ 1840 году въ Костромскую семинарію въ «реторику» и перейдя затѣмъ въ «философію» (съ двухлѣтнимъ курсомъ каждая), Страховъ рѣшилъ переѣхать въ Петербургъ и поступить въ университетъ.

О семинаріи, въ которой онъ провелъ свои школьные годы, Страховъ нерѣдко воспоминалъ съ большой любовью и благодар-

ностью, особенно подробно въ его неоконченныхъ и еще ненапечатанныхъ «Воспоминаніяхъ о ходѣ философской литературы» — статья автобіографическаго характера, наряду съ прочими «біографическими свѣдѣніями» переданной покойнымъ пишущему эти строки для составленія настоящаго очерка, давно уже задуманнаго и подготовлявшагося. Семинарія помѣщалась въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. «Это былъ бѣднѣйшій и почти опустѣвшій монастырь: въ немъ было, кажется, не болѣе восьми монаховъ; но это былъ старинный монастырь, основанный еще въ XV вѣкѣ. Стѣны его были облуплены, крыши по мѣстамъ оборваны; но это были высокія крѣпостныя стѣны, на которыя можно было всходить, съ башнями по угламъ, съ зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Вездѣ были признаки старины: тѣсная соборная церковь съ темными образами, длинныя пушки, лежавшія кучей подъ нижнимъ открытымъ сводомъ, колокола со старинными надписями. И прямое продолженіе этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотенъ подростковъ, сходящихся сюда для своихъ умственныхъ занятій. Пусть все это было бѣдно, лѣниво, слабо; но все вмѣстѣ имѣло совершенно опредѣленный смыслъ и характеръ, на всемъ лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, какъ подобаетъ жизни, имѣетъ внутреннюю цѣльность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накопленію жизненныхъ элементовъ, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу». А бѣдность и скудость этой семинарской жизни были во всякомъ случаѣ необычныя. «Даже учебныя книги были рѣдки. Общаго употребленія печатныхъ учебниковъ не существовало: такіе учебники были бы даже и не по средствамъ большей части учащихся, дѣтей бѣднаго сельскаго духовенства, которые часто приходили въ классы лѣтомъ въ крашенинныхъ халатахъ, а зимою въ нагольныхъ тулупахъ и лаптяхъ». Преподаваніе въ костромской семинаріи велось, какъ и во всѣхъ другихъ, «въ долбляшку», «съ энтихъ до энтихъ». Занятія учениковъ, при всей скукѣ и мертвенности буквальнаго затверживанья, были, по существу дѣла, а главное по размѣрамъ уроковъ, совершенно пустышныя, свободнаго времени у мало-мальски способныхъ было неизмѣримо больше, чѣмъ занятаго, а бѣдность и скука семинарской жизни налагали свой безотраднo грубый и низменный характеръ на способы убиванія этого времени. «Мнѣ странно вспомнить однако», пишетъ Страховъ, «что, не смотря на наше бездѣйствіе, не смотря на повальную лѣнь, которой предавались и ученики, и учащіе, какой-то живой умственный духъ не покидалъ нашей семинаріи и общился мнѣ. Уваженіе къ уму и наукѣ было величайшее; самолюбія на этомъ поприщѣ разгарались и соперничали безпрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всякомъ удобномъ поводѣ;

писались иногда стихи, разсужденія, передавались разсказы объ удивительныхъ подвигахъ ума, совершавшихся архіереями, въ академіяхъ и т. д. Словомъ, у насъ господствовала очень живая любовь къ учености и глубокомыслію, но, увы, любовь почти совершенно платоническая, только издали восхищающаяся своимъ предметомъ».

«Наши умы и души имѣли, впрочемъ, свое опредѣленное содержаніе, именно, были проникнуты религіозными представленіями. Невѣрующихъ и вольнодумцевъ у насъ вовсе не было, и мы были твердо убѣждены, что отрицаніе религіи есть крайняя уродливость, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся въ родѣ человѣческомъ. Мы вполне испытали на себѣ вліяніе религіи, мы были воспитаны подъ ея верховнымъ руководствомъ». — «Религіозныя представленія», говоритъ онъ нѣсколько далѣе, «ставятъ насъ въ такія отношенія ко всему остальному бытію, передъ которыми мелки и ничтожны всякія другія отношенія. Жизнь обращается въ глубокую драму, въ поприще роковой борьбы. вмѣсто безцѣльнаго существованія, проводимаго среди будничныхъ нуждъ и будничныхъ радостей, человѣку предлагается подвигъ и указывается впереди или жестокая погибель, или безцѣнная награда. И все то, что было, что есть и что будетъ, получаетъ видъ несравненнаго величія и яркости. Даются представленія о существахъ безконечно высокихъ и прекрасныхъ, въ которыхъ самые возвышенные идеалы составляютъ дѣйствительность. Опредѣляется весь ходъ и смыслъ бытія; извѣстно начало всего мірозданія и начало человѣческой исторіи, извѣстенъ и конецъ ея, и то устье, которымъ она нѣкогда упадетъ въ свѣтлый океанъ вѣчности. По истинѣ, религія, если взять ее со стороны чувства и понятій, составляетъ дѣйствительное доказательство благородства души человѣческой, и если бы мы вообразили себѣ челоѣчество безъ религіи, то намъ пришлось бы его понизить почти до степени животныхъ».

Вторымъ основнымъ элементомъ умственного содержанія семинарской жизни былъ патріотизмъ. «Въ нашемъ глухомъ монастырѣ мы росли, можно сказать, какъ дѣти Россіи. Не было сомнѣнія, не было самой возможности сомнѣнія въ томъ, что она насъ породила и питаетъ, что мы готовимся ей служить и должны оказывать ей всякій страхъ и всякую любовь». Въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ¹⁾ Страховъ еще точнѣе высказался по этому поводу. «Съ дѣтства я былъ воспитанъ въ чувствахъ безграничнаго патріотизма, — пишетъ онъ; — я росъ вдали отъ столицъ, и Россія всегда являлась мнѣ странною, исполненною великихъ силъ, окруженною несравненною славою, первою странною въ мірѣ, такъ что я въ точномъ смыслѣ слова благодарилъ Бога за то, что родился рус-

¹⁾ Собр. соч. Достоевскаго. изд. 1883 года, т. I, стр. 248.

скимъ. Поэтому и долго потомъ не могъ даже вполне понимать явленій и мыслей, противорѣчившихъ этимъ чувствамъ; когда же я наконецъ сталъ убѣждаться въ презрѣніи къ намъ Европы, въ томъ что она видитъ въ насъ народъ полуварварскій, и что намъ не только трудно, а просто невозможно заставить ее думать иначе, то это открытіе было мнѣ невыразимо больно, и боль эта отзывается до сегодня». «Настоящій, глубокий источникъ патриотизма,—заканчиваетъ Страховъ свои воспоминанія о семинаріи,—есть преданность, уваженіе, любовь—нормальныя чувства человѣка, растущаго въ естественномъ единеніи со своимъ народомъ. Хорошо или дурно, много или мало, но именно эти чувства воспитывала въ насъ наша бѣдная семинарія».

Таковы были обстоятельства и условія, при которыхъ будущій писатель получилъ свое первоначальное образование и воспитаніе. Ихъ вліяніе было чрезвычайно глубоко и разнообразно. Прежде всего монастырская жизнь и семинарское развитіе выработали въ Страховѣ его личный характеръ или то, что называютъ обыкновенно характеромъ: приемы обращенія съ людьми и предметами, отношенія къ мнѣніямъ и системамъ, къ искусству и наукѣ. И въ личномъ обхожденіи покойнаго, и въ строѣ его жизни, и во всей его біографіи было много аскетическаго, много знакомаго каждому, кто хоть поверхностно наблюдалъ характеръ и особенности православнаго монашества. Всегда неизмѣнно деликатный и благодушный, мягкій и вѣжливый, но уклончивый, такъ же скупой на выраженіе своихъ симпатій, какъ и антипатій, старающійся всѣ свои настроенія и впечатлѣнія скрасить шуткой и смѣхомъ, по возможности не высказывающій своего мнѣнія и съ величайшимъ вниманіемъ выслушивающій во всѣхъ подробностяхъ всякую чужую мысль, никогда не направляющій разговора въ ту или другую сторону, но всегда идущій за своимъ собесѣдникомъ, охотно подтрунивающій, но никогда не допускающій себѣ обмолвиться ни однимъ рѣзкимъ, грубымъ или неумѣстно игривымъ словомъ—такимъ вспоминаютъ его съ невольной любовью всѣ, кто лично зналъ Страхова. Онъ обо всемъ рѣшительно бесѣдовалъ такимъ тономъ, какъ монахъ говорить съ міряниномъ о свѣтскихъ дѣлахъ и вопросахъ, тщательно избѣгая даже малѣйшимъ намекомъ обнаружить хоть что нибудь изъ внутренняго быта и обихода своего монастыря. О себѣ самомъ Страховъ почти никогда не говорилъ, даже мѣстоименіе я проскальзывало у него въ разговорѣ, какъ и въ сочиненіяхъ, только въ видѣ исключенія. Комфортъ, удовольствія и удобства жизни для него, можно сказать, не существовали; онъ замѣнялъ ихъ только рѣдкой чистотой, аккуратностью и порядкомъ. Въ его домъ вы входили, какъ въ келлію какого нибудь монастырскаго бібліотекаря: портреты хозяина, подаренные ему на память художниками, портреты и бюсты двухъ, трехъ писателей, двѣ три картинки, дорогія,

какъ воспоминанія дѣтства, и полки съ книгами: вотъ вся его обстановка. Нѣсколько стульевъ предназначалось для гостей; остальная мебель допускалась лишь какъ приборъ для помѣщенія книгъ. Книги «значили очень много въ его жизни», какъ онъ выразился въ своихъ воспоминаніяхъ. Приобрѣтеніе книгъ было единственнымъ «свѣтскимъ удовольствіемъ», спортомъ, охотой этого мірскаго монаха. Составленная имъ бібліотека поражала всякаго обозрѣвателя систематичностью, обдуманностью подбора, разнообразіемъ, богатствомъ и полнотою содержанія. Въ мысленіи, разговорахъ, въ своихъ произведеніяхъ онъ опять-таки отличался той чисто монашеской, почти наивной серіозностью, съ которой взвѣшивалъ каждую высказанную ему мысль, каждое прочитанное имъ мнѣніе, тѣмъ глубокимъ и непосредственнымъ восторгомъ, тѣмъ простодушнымъ и искреннимъ любопытствомъ, съ которыми готовъ былъ восхищаться каждымъ оригинальнымъ взглядомъ или сужденіемъ, каждымъ мало-мальски даровитымъ произведеніемъ науки или искусства, наконецъ каждымъ проблескомъ таланта вообще, въ чемъ бы тотъ ни проявился. Даже манеры, обороты рѣчи, самая наружность его напоминали типичнаго великорусскаго монаха.

Въ равной мѣрѣ съ личнымъ характеромъ отразились воспитаніе и образованіе Страхова въ томъ, что въ писателѣ соотвѣтствуетъ характеру въ человѣкѣ, а именно въ его стилѣ. Неопредѣленно уклончивая мягкость этого стиля при совершенной точности, ясности и чистотѣ языка сообщаетъ произведеніямъ Страхова удивительную внѣшнюю оригинальность. Полная простота и общедоступность изложенія неотъемлемо свойственны этимъ самымъ простымъ книгамъ о самыхъ мудреныхъ и темныхъ вопросахъ. Онъ вѣжливъ и деликатенъ съ мыслями и мнѣніями, какъ съ людьми, не обнаруживая притомъ ни тономъ, ни отношеніемъ къ нимъ своего согласія или несогласія. Насмѣшки, желчи въ нихъ нѣтъ и помина, хотя читатель очень часто встрѣчается съ тонкой, осторожной, но тѣмъ болѣе мѣткой и ѣдкой ироніей. Эта иронія смѣшить читателя не насчетъ чужихъ промаховъ или недостатковъ, а именно тѣмъ, что съ безжалостнымъ безпристрастіемъ раскрываетъ смѣхотворную сущность этихъ недостатковъ и промаховъ. Въ своеобразной разсудительности его шутокъ особенно ярко проявляется основная манера Страхова: онъ всегда писалъ простодушно, хотя разсуждалъ хитроумно. Онъ писалъ какъ будто не тѣми словами, какими думалъ. Осторожность и отвлеченность, прозрачность выраженій, слишкомъ художественныя, чтобы напоминать мертвенный канцелярскій стиль, и въ то же время слишкомъ свѣтскія, чтобы вполне приближаться къ манерѣ письма современныхъ церковныхъ писателей, такъ изысканны и въ то же время просты у Страхова, до такой степени предоставляютъ читателя мыслямъ автора, ничего ему не подсказывая слогомъ, что многіе склонны

смѣшивать ихъ съ неискренностью. «Нѣтъ на свѣтѣ писателя, который бы такъ старался и такъ умѣлъ скрыть отъ читателя свою мысль, какъ Страховъ», воскликнулъ какъ-то одинъ тонкій и глубокій знатокъ русской словесности; но эта забавная шутка едва ли нуждается въ опроверженіи. Намъ просто непривыченъ монашескій тонъ Страхова въ примѣненіи къ свѣтскимъ вопросамъ и предметамъ, и потому даже до сихъ поръ лишь немногіе понимаютъ, что церковная стилистика дала русской литературѣ въ лицѣ Страхова одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ прозаиковъ. То, въ чемъ иные склонны видѣть хитрость или лукавство, было въ сущности величайшей добросовѣстностью, учтивостью мысли этого аскета стилистики.

Далѣе, въ самой литературной техникѣ Страхова нельзя не признать глубокаго вліянія школы духовнаго краснорѣчія. Оно ярче всего сказывается въ удивительной чистотѣ его языка, въ умѣнны избѣгать съ одной стороны иностранныхъ, съ другой—вообще безвкусныхъ, манерныхъ и неточныхъ словъ, вообще выраженій, не соответствующихъ свойствамъ и характеру обсуждаемыхъ имъ предметовъ, безъ всякаго ущерба для ясности и выразительности даже мельчайшихъ и тончайшихъ отгѣнковъ его мысли. Кромѣ того, лексиконъ Страхова—чрезвычайно богатый—изобилуетъ замѣчательно удачными заимствованиями изъ языка современныхъ церковныхъ писателей. Особенно поучительны достоинства этихъ приемовъ въ его переводахъ—лучшихъ переводахъ научныхъ сочиненій на русскій языкъ, какіе существуютъ. Крайне характерно также стремленіе Страхова къ общедоступности изложенія, положительно несравненной у него, особенно при сопоставленіи его работъ—гдѣ возможно—съ произведеніями другихъ писателей по философскимъ или научнымъ вопросамъ. Но, быть можетъ, всего благотворнѣе и сильнѣе выразилось вліяніе школы духовнаго краснорѣчія въ обработанности, законченности, художественности сочиненій Страхова, болѣе чѣмъ непривычныхъ для русскаго читателя въ не-беллетристической прозѣ. Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ художникъ самый добросовѣстный и тщательный и многія его страницы, посвященныя химіи, фізіологіи, психологіи, газетнымъ рецензіямъ даже,—просто безподобны въ эстетическомъ отношеніи совершенно даже независимо отъ ихъ высокаго научнаго достоинства. Онъ обдумывалъ и обрабатывалъ всѣ свои даже мельчайшія замѣтки съ тою же старательностью, какъ иной поэтъ свои лирическія стихотворенія. Онъ предпочиталъ вовсе не писать, чѣмъ писать кое-какъ, наскоро, и потому свои статьи смѣло могъ переиздавать безъ всякихъ измѣненій въ отдѣльныхъ книжкахъ и сборникахъ. Ни ихъ содержаніе, ни ихъ форма не лишали ихъ общаго, долговѣчнаго значенія; онѣ всѣ, по выраженію Достоевскаго, были «писаны для полнаго собранія сочиненій».

Въ-четвертыхъ, наконецъ, происхождение и первоначальное образование и воспитаніе Страхова обусловили весь дальнѣйшій ходъ его развитія, всю его дальнѣйшую дѣятельность. Въ этомъ отношеніи нельзя не отмѣтить нѣкоторой біографической параллели между Страховымъ и Ренаномъ, о которомъ покойный оставилъ такія превосходныя статьи, полныя самой глубокой любви къ этому замѣчательному писателю и составляющія самую безжалостную критику на главныя основы его воззрѣній. Къ Страхову вполне можно примѣнить многое изъ того, что самъ онъ говоритъ о Ренанѣ, получившемъ послѣ революціи 1830 года такое же клерикальное воспитаніе и обученіе, какое давалось и за двѣсти лѣтъ до того въ самыхъ строгихъ религіозныхъ обществахъ, и впоследствии какъ будто вдругъ перескочившемъ черезъ два столѣтія въ свою современность¹⁾. Какъ и Ренанъ, и даже въ еще большей степени, чѣмъ онъ, Страховъ не былъ современникомъ своего вѣка. Въ его лицѣ какъ будто ожилъ для нашего легковѣснаго, поверхностнаго и утонченнаго столѣтія какой нибудь ученый мнихъ XIV—XV вѣка, простодушный, положительный и серьезный. Его добросовѣстное, пылливое отношеніе къ жизни и наукѣ является теперь чуть ли не наивностью; но эта наивность и есть та самобытность, которая восхищаетъ насъ въ характерахъ и умахъ древности, и которой мы сами такъ неуловимо лишились. Такіе умы, какъ онъ,—ихъ можно пересчитать по пальцамъ,—тѣ немногіе праведники, которые спасутъ нашъ XIX вѣкъ отъ полнаго осужденія исторіей. Великая французская революція и всѣ порожденные ею дезорганизующіе (такъ называемые «освободительные») перевороты и преобразованія разнуждали стихійныя инстинкты народовъ запада. Героическое прошлое, героическая исторія, героическая политика, героическая наука, героическое искусство стали достояніемъ толпы, превратились въ площадную исторію, площадную политику, площадную науку, площадное искусство. Геніевъ замѣнила толпа. Охлократія духа стала господствующимъ строемъ, теченіемъ вѣка. Лавина площаднаго демократизма впервые хлынула на Европу въ 1789 году и своими громовыми перекатами, непрерывно длившимися въ теченіе цѣлаго столѣтія, пошатнула и разстроила ея лучшіе умы. Однихъ она раздробляла и размалывала на мелочи газетной публицистики; другіе, не выдержавъ напора модныхъ учений и системъ, сорвались, какъ оторванныя лавиною скалы, и стали страшнымъ орудіемъ разрушенія въ общей массѣ обломковъ великаго духовнаго обвала; иные, какъ, на примѣръ, на нашихъ глазахъ гр. Л. Н. Толстой, долго соблюдавшіе свою духовную независимость и самобытность, въ старческомъ ослабленіи безсильно поддались потоку вѣка и постыдно падаютъ въ ничтожную современность; мало было такихъ, которые,

1) «Борьба съ Западомъ», кн. I-я, стр. 404—405.

какъ Страховъ, не только не уступили всеобщему направленію, но какъ незыблемыя скалы, разрѣзающія острыми вершинами грохочущую лавину, не могли даже признать серьезности ея стремленія, которые только смѣялись и удивлялись чудовищному разрушенію и всеобщему отрицанію, скептицизму, неустойчивости и самоувѣренной подвижности девятнадцатаго вѣка. И безспорно, что въ костромской семинаріи, этомъ «бѣдномъ, лѣнливомъ, слабомъ» училищѣ, Страховъ получилъ начатки того своеобразнаго закала духа, того отношенія къ міру, людямъ, наукѣ и ея ученіямъ, которые составляютъ его лучшую славу и величайшую заслугу.

II.

Тотъ «живой умственный духъ» костромской семинаріи, о которомъ Страховъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, безспорно дѣйствовалъ въ его лицѣ на предрасположенную и богато одаренную натуру; обстановка же семинарская очевидно не могла ей дать той духовной пищи, которой требовала природная пытливость его ума. Подъ влияніемъ этихъ обстоятельствъ Страховъ рѣшилъ обратиться къ источнику обширныхъ и общихъ знаній—къ университету. То свободное отъ учебныхъ занятій время, котораго такъ много оставалось въ семинаріи, будущій писатель посвятилъ на осуществленіе своей мысли и самъ, безъ всякой посторонней помощи, успѣлъ подготовиться къ экзамену. Осенью 1844 г. онъ былъ вызванъ дядею въ Петербургъ и съ января 1845 г. зачисленъ вольнослушателемъ по камеральному (соотвѣтствовалъ теперешнему юридическому) факультету, а въ августѣ того же года держалъ вступительный экзаменъ и поступилъ студентомъ на математическое отдѣленіе. «Мнѣ хотѣлось собственно изучать естественныя науки»,—пишетъ Страховъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ»,—«но я поступилъ на математику, какъ на ближайшій къ нимъ предметъ, чтобы имѣть возможность получать стипендію, и получалъ ее—по 6 рублей въ мѣсяць». Но такъ дѣло продолжалось только годъ. Страховъ рассорился съ своимъ дядею, а тотъ пожаловался на него попечителю, и въ результатѣ Страховъ лишился и стипендіи, и пріюта. Безъ всякой помощи пробился онъ кое-какъ полтора года, запустилъ свои занятія и рѣшился наконецъ перейти въ главный педагогическій институтъ на казенный счетъ.

Недолговременное и грустное пребываніе въ университетѣ имѣло, однако же, огромное значеніе для юноши, начавшаго свою умственную жизнь въ глухой провинціи. «Въ знаменитомъ университетскомъ корридорѣ мнѣ доводилось слышать то разсужденія о томъ, что вѣра въ Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системѣ Фурье и увѣренія въ ея непремѣнномъ осуще-

ствленіи. А мелкая критика религиозныхъ понятій и существующаго порядка была ежедневнымъ явленіемъ. Профессора рѣдко позволяли себѣ вольнодумные намеки и дѣлали ихъ чрезвычайно сдержанно; но товарищи сейчасъ же объясняли мнѣ смыслъ намековъ. Одинъ изъ университетскихъ моихъ пріятелей былъ очень хорошимъ моимъ руководителемъ въ этой области. Онъ объяснялъ мнѣ направленія журналовъ, растолковалъ, какой смыслъ придается стихотворенію «Впередъ, безъ страха и сомнѣнья», рассказывалъ сужденія и рѣчи болѣе зрѣлыхъ людей, отъ которыхъ самъ научился своему вольнодумству. Такимъ образомъ уже тогда я вполнѣ познакомился съ этою сокровенною мудростью и, когда, спустя десять или болѣе лѣтъ, она стала все яснѣй и громче высказываться въ литературѣ, она уже ничуть не была для меня новостью. Говорю, конечно, о самомъ принципѣ этого направленія, о немногосложной формулѣ отрицанія. Символь вѣры отрицателей, какъ извѣстно, очень простъ и иногда состоитъ лишь изъ двухъ краткихъ членовъ: Бога нѣтъ, а царя не надо.—Отрицаніе и сомнѣніе, въ сферу которыхъ я попалъ, сами по себѣ не могли имѣть большой силы. Но я тотчасъ увидѣлъ, что за ними стоитъ положительный и очень твердый авторитетъ, на который они опираются, именно—авторитетъ естественныхъ наукъ. Ссылки на эти науки дѣлались непрерывно; материализмъ и всяческій нигилизмъ выдавались за прямые выводы естествознанія. И вообще твердо исповѣдывалось убѣжденіе, что только натуралисты находятся на вѣрномъ пути познанія и могутъ правильно судить о самыхъ важныхъ вопросахъ. Итакъ, если я хотѣлъ «стать съ вѣкомъ наравнѣ» и имѣть самостоятельное сужденіе въ разногласіяхъ, которыя меня занимали, мнѣ нужно было познакомиться съ естественными науками. Такъ я и рѣшилъ сдѣлать, ни за что не отступалъ отъ своего рѣшенія и понемногу привелъ его въ исполненіе. Хотя математическій факультетъ—ближайшій къ естественному, мнѣ очень жаль было такого отклоненія отъ прямой линіи. Но дѣло потомъ поправилось».

Таковы первыя два существенно важныя жизненныя рѣшенія будущаго писателя: поступленіе въ университетъ и выборъ факультета. Нельзя не признать въ нихъ обоихъ характернѣйшихъ особенностей умственнаго склада Страхова: въ дѣлающемъ первые шаги юношѣ мы вполнѣ узнаемъ того умудреннаго опытомъ и горемъ старца, котораго такъ недавно опустили въ могилу. Анализъ и изученіе умственныхъ авторитетовъ, воинствующія утвержденія которыхъ нарушаютъ стройность установившагося въ душѣ міровоззрѣнія, эта «борьба съ западомъ» въ защиту «міра, какъ цѣлаго», уже сказываются въ независимыхъ рѣшеніяхъ юноши. Въ намѣреніи посвятить себя изученію именно того, что грозитъ душевному миру и дорогимъ идеаламъ, слышится готовность ума къ высшему безпристрастію, готовность отказаться отъ идеаловъ, но

только если они вполне и несомненно опровергнуты, и притом только замѣнивъ ихъ новыми, неопровержимыми идеалами, до тѣхъ же поръ неотступно держаться за тѣ, которые любовно усвоены душою. Въ отношеніи къ послѣднимъ онъ сразу ставитъ себя и затѣмъ въ теченіе всей своей дѣятельности остается какъ бы въ положеніи юриста, защищающаго владѣніе независимо отъ вопроса о собственности. Наконецъ въ его рѣшеніяхъ мы прямо узнаемъ его отношеніе къ наукѣ, которое характеризуетъ всю его сорокалѣтнюю литературную дѣятельность. Выйти изъ семинаріи и поступить въ университетъ его побуждаетъ не разладъ съ окружающимъ міромъ, не недовольство средою, но чистая жажда знанія, притомъ жажда совершенно неопредѣленная: онъ не сразу находитъ свои научные интересы, колеблется въ выборѣ факультета. Тотъ естественный патриотизмъ, которымъ онъ былъ проникнутъ съ дѣтства, внушаетъ ему вначалѣ намѣреніе изучать политическія науки, и онъ поступаетъ на камеральный (юридическій) факультетъ; но вскорѣ уязвленное религиозное чувство влечетъ его въ станъ враждебныхъ авторитетовъ и не какъ обезоруженнаго плѣнника, но какъ пытливаго и безпристрастнаго развѣдчика. Такимъ образомъ наука является не основнымъ элементомъ его міросозерцанія, а только школой и поприщемъ умозрѣнія; наука—мастерская, но не храмъ его духа. «Наука есть дѣло великое,—писалъ онъ¹⁾,—хотя и не наилучшее и не наивысшее изъ человѣческихъ дѣлъ». И вотъ, исходя еще въ юности изъ этой точки зрѣнія, Страховъ своимъ выборомъ факультета какъ бы практически разрѣшилъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ всякаго умозрѣнія—вопросъ объ іерархіи задачъ духа. Такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса всецѣло обуславливается самой основной сущностью міровоззрѣнія каждаго мыслителя, то здѣсь необходимо, по естественной связи дѣла, выяснить, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, эту основную сущность міровоззрѣнія Страхова.

Основной, положительный критерій, которой подымалъ этотъ тонкій и глубокій умъ выше философіи и науки, сводился къ стройному и гармоничному нравственному идеалу, который самъ Страховъ характеризовалъ понятіемъ святости. Познаніе не являлось для него мѣриломъ бытія, а лишь однимъ изъ его соподчиненныхъ элементовъ, однимъ изъ поприщъ примѣненія инаго, высшаго мѣрила. Задача земнаго существованія—внутреннее совершенство, внутренняя цѣльность духа, достигаемая не отдѣльными моментами, а, такъ сказать, всѣмъ планомъ дѣятельности и жизни. Мало для этого справедливости, мало милосердія: предѣльная вершина бытія можетъ быть достигнута человѣкомъ только въ святости. «Святость именно въ

1) «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 9.

томъ и состоитъ», пишетъ Страховъ ¹⁾, «что человѣкъ становится выше своихъ желаній, своей природы, и выше смерти и всякаго страданія. Это полная чистота души и полная преданность волѣ Божіей. Когда у человѣка нѣтъ своихъ желаній, нѣтъ заботы и страха, онъ смотритъ на все, какъ безплотный духъ, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія вѣчности; тогда онъ какъ будто «вновь рождается», и въ душѣ его открываются источники лучшей жизни, вполне чистыхъ чувствъ и силъ. Болѣзнь, страданія и смерть составляютъ для такого человѣка только поводъ и побужденіе подняться въ область святости, отрѣшиться отъ себя и отъ міра. Ищущіе святости часто съ радостью встрѣчаютъ эти поводы и даже ищутъ всякихъ лишеній, чтобы воспитывать въ себѣ духъ чистоты». Этотъ «духъ чистоты» — вотъ высшее совершенство бытія въ глазахъ Страхова. Стремленіе къ такому же идеалу находилъ онъ между прочимъ въ основѣ всей художественной дѣятельности графа Л. Н. Толстого и въ этомъ стремленіи видѣлъ ея главное достоинство, ея главную силу. «Всѣмъ теперь очевидно», писалъ онъ ²⁾, «что, отъ самаго начала, сочувствія Толстаго устремлялись къ простому и доброму, что эта освобожденная душа, умѣющая видѣть жизнь не въ отвлеченныхъ формахъ и не съ частныхъ точекъ зрѣнія, а во всей ея полнотѣ и цѣльности, упорно доискивается истинной жизни среди всякаго рода фальшивыхъ явленій, и что она находитъ ее только въ томъ, что представляетъ самую чистую нравственную красоту, что бываетъ просто и смиренно до самоуничтоженія и въ то же время твердо и спокойно до степени величайшаго великодушія. Пусть это называютъ пантеизмомъ, или фатализмомъ, или буддизмомъ, но во всякомъ случаѣ пусть признаютъ, что это путь, идущій къ Богу». Нѣсколькими строками далѣе онъ разъясняетъ еще болѣе широкое значеніе этого идеала: «Это та самая форма нравственныхъ понятій, которую внушило нашему народу христіанство, или, если угодно, та, въ которую нашъ народъ воплотилъ религіозныя понятія. Оттого по своему качеству онъ (гр. Л. Н. Толстой) писатель несравненный и единственный, стоящій на высотѣ, которую теперь намъ даже трудно и опредѣлить». Эти отзывы, однако же, въ той же мѣрѣ приложимы и къ произведеніямъ Страхова, и даже, быть можетъ, въ гораздо болѣе, чѣмъ къ сочиненіямъ Толстаго, если только не упускать изъ вида глубокой разницы поприщъ, на которыхъ они трудились. Въ особенности необходимо подчеркнуть народность такого взгляда на жизнь и слѣдовательно возможность противопоставить его, какъ положительное воззрѣніе, воззрѣніямъ если не всѣхъ, то подавляющаго большинства мыслителей Запада, стремящихся во главу угла положить не нравственный идеалъ, а умозрѣніе.

1) «Воспоминанія и отрывки», стр. 211.

2) «Критическія статьи о Тургеневѣ и графѣ Л. Н. Толстомъ». изд. 3, стр. XVIII.

Итакъ, внутренняя уравновѣшенность духа, а не познаніе научной или философской истины составляетъ вѣнецъ разумнаго бытія; вмѣстѣ съ тѣмъ не философія или наука служатъ этой уравновѣшенности источникомъ или опорой: онѣ лишь вершины земли, тѣ горныя скалы, на которыя воленъ опускаться свободно парящій духъ; его равновѣсіе, его жизнь должны быть въ немъ самомъ. Знаніе и наука составляютъ лишь его свободную страду, а не мучительный трудъ въ болѣзненномъ познаніи добра и зла. Міръ и его твари были показаны и названы радостному духу Адама до его грѣхопаденія, которое началось съ того мгновенія, какъ онъ рѣшилъ обосновать на личномъ умозрѣніи идеалы добра и признаки зла. Ясное дѣло, что такое опускающееся въ міръ, а не ищущее въ немъ опоры міровоззрѣніе должно быть названо по преимуществу религиознымъ: не въ этомъ ли и разгадка тому, что Страховъ одинъ въ нашемъ столѣтіи сумѣлъ достаточно глубоко заглянуть въ сущность философіи Шопенгауера, чтобы уловить въ ней скрытое вѣяніе религиознаго духа? Замѣтимъ, однако же, что религиозность міровоззрѣнія отнюдь еще не предполагаетъ своей непремѣнной основой какого нибудь положительнаго ; религиознаго ученія: доказательствомъ можетъ служить та же самая религиозная, но атеистичная система Шопенгауера. Потому въ равной степени для насъ не стоитъ ни малѣйшей необходимости приводить Страховскій идеалъ святости въ зависимость отъ того или другаго догматическаго вѣроученія, разъ самъ писатель призналъ возможнымъ оставить эту зависимость открытымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что его идеалъ вполне удовлетворительно мирится съ всякимъ вообще вѣроученіемъ. Съ другой стороны, однако же, если мы и оставимъ этотъ вопросъ открытымъ, то передъ нами возникаетъ другой, не менѣе существенный — объ отношеніи къ этому идеалу самого писателя и причинъ обязательности этого идеала. Это отношеніе, разъ Страховъ не опирается (по крайней мѣрѣ, какъ писатель) въ служеніи своему идеалу на авторитетъ верховнаго бытія и нравственнаго въ отношеніи къ нему долга, должно быть признано не столько религиознымъ, сколько эстетическимъ. Святость обязательна и необходима потому, что прекрасна. Жизненную силу ея Страховъ ищетъ не въ разумности, такъ какъ не умозрѣніе кладетъ основой міровоззрѣнія, и не въ долгѣ, ибо не опирается на какія либо требованія религіи; слѣдовательно достаточное основаніе бытія (т. е. достиженія) святости коренится въ ея красотѣ, ибо только съ точки зрѣнія подчиняющей волю или интеллектъ красоты святость можетъ быть признана идеаломъ самодовлѣющимъ,

Wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer sammt der Schöpfung.

Прибавимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ни одна строка произведеній Страхова не даетъ повода и права къ провозглашенію его атеистомъ,

къ чему склонны—правда, покуда лишь на словахъ, а не въ печати—нѣкоторые изболоченные имъ фарисеи.

Слѣдовательно, эстетичность—вотъ основная черта, коренная сущность мировоззрѣнія Страхова. Не трудно убѣдиться, что во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества, которыя привлекали къ себѣ интересъ и вниманіе Страхова, онъ всегда былъ и остался прежде всего и послѣ всего эстетомъ. То, что во внутреннемъ мірѣ человѣка является уравнивошенностью духа, то во внѣшнемъ мірѣ представляется намъ, какъ гармоническая или органическая цѣльность. Естественно поэтому, что писатель, основное настроеніе котораго составляетъ этическое равновѣсіе духа, искалъ такой цѣльности въ мірѣ и въ человѣческомъ творествѣ, то-есть философіи, наукѣ и искусствѣ. Что касается прежде всего мірозданія, то свою идею о немъ Страховъ изложилъ съ рѣдкой для него категоричностью на одной изъ первыхъ же страницъ своей первой по времени книги ¹⁾. Вотъ это мѣсто цѣликомъ: «Міръ есть цѣлое, то-есть онъ связанъ во всѣхъ направленіяхъ, въ какихъ только можетъ его разсматривать нашъ умъ. Міръ есть единое цѣлое, то-есть онъ не распадается на двѣ, на три или вообще на нѣсколько сущностей, связанныхъ независимо отъ ихъ собственныхъ свойствъ. Такое единство міра можно получить не иначе, какъ одухотворивъ природу, признавъ, что истинная сущность вещей состоитъ въ различныхъ степеняхъ воплощающагося духа. Міръ есть связанное цѣлое, то-есть всѣ его части и явленія находятся во взаимной зависимости. Въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго, никакихъ особыхъ началъ, никакихъ простыхъ тѣлъ, никакихъ атомовъ; нѣтъ самостоятельныхъ, отъ вѣка различныхъ силъ, нѣтъ ничего неизмѣннаго, само-по-себѣ существующаго. Все въ зависимости и все течетъ, какъ говорилъ еще Гераклитъ. Міръ есть стройное цѣлое, или, какъ говорятъ, гармоническое, органическое цѣлое. То-есть, части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены, представляютъ правильную лѣстницу, пирамиду, всего лучше сказать—іерархію существъ и явленій. Міръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшія и низшія, и отношеніе между этими частями таково, что онѣ представляютъ гармонію, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое, въ которомъ нѣтъ ничего лишняго, ни бесполезнаго. Міръ есть цѣлое, имѣющее центръ; именно, онъ есть сфера, средоточіе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ бытія. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мірозданія. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направлѣніямъ связей, соединяющихъ міръ въ одно цѣлое; онъ есть главная сущность, главное явленіе и главный органъ міра. Вотъ нѣсколько общихъ положеній того

¹⁾ «Міръ, какъ цѣлое», изд. 2-е. стр. VII—VIII.

взгляда, который развивается въ (настоящей) книгѣ («Миръ, какъ цѣлое»). Главное содержаніе ея состоитъ впрочемъ не въ картинѣ міра, изображенной съ этой точки зрѣнія, а въ такомъ анализѣ явленій природы и ученій естественныхъ наукъ, который показываетъ, что миръ, какъ цѣлое, есть главная руководящая идея въ изслѣдованіи природы, та мысль, къ которой необходимо привести правильный ходъ науки въ каждомъ частномъ случаѣ».

Относительно эстетичности воззрѣній Страхова на философію, науку и искусство не приходится говорить въ данномъ случаѣ особенно подробно, такъ какъ ниже эти воззрѣнія будутъ развиты съ надлежащею полнотой. Подъ крыломъ науки миръ представлялся ему такимъ же стройнымъ и гармоническимъ цѣлымъ, какъ любое произведеніе художественнаго творчества. Самая наука являлась передъ нимъ, какъ художественное цѣлое, передъ которымъ онъ стоялъ въ качествѣ зрителя, желающаго охватить это цѣлое одною стройною мыслью. Даже въ области философіи онъ относился къ системамъ, какъ къ «лирическимъ поэмамъ», какъ къ «готическимъ соборамъ»¹⁾, считая, что въ каждомъ изъ этихъ храмовъ позволительно людямъ поклоняться вѣчной единой истинѣ. Нечего и говорить, разумѣется, о той стройности и цѣльности, которыхъ онъ искалъ и находилъ въ эстетической по преимуществу области духовной дѣятельности человѣка — въ искусствѣ. Но даже и тутъ, въ области, на примѣръ, русской художественной литературы, онъ примкнулъ къ наиболѣе цѣльному и стройному на нее взгляду — къ «органическому» воззрѣнію Григорьева. «Аполлона Григорьева мы считаемъ лучшимъ нашимъ критикомъ», писалъ Страховъ²⁾, «дѣйствительнымъ основателемъ русской критики. Ему принадлежитъ единственный существующій у насъ полный взглядъ на русскую литературу, то-есть взглядъ, объемлющій одною мыслью всѣ ея явленія и направленія, — взглядъ, вѣрный до сихъ поръ³⁾, блистательно подтверждаемый такими произведеніями, какъ «Война и Миръ». — Однимъ словомъ, эстетичность, какъ положительное основаніе міросозерцанія Страхова, не нуждается въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ; совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ критическимъ элементомъ его ума и воззрѣній. Однако же промежуточнымъ звеномъ между этими двумя сторонами его умственной дѣятельности является самый характеръ этой дѣятельности, именно — пассивный, созерцательный, а не творческій. Искатель прекраснаго единства и прекрасной стройности, однимъ словомъ — цѣльности жизни, Страховъ не былъ инициаторомъ, руководителемъ, творцомъ ни въ жизни, ни въ наукѣ, ни

1) Выраженія Шопенгауера о философской системѣ Канта.

2) «Критическія статьи», изд. 3-е, стр. 296.

3) Писано въ 1869 году.

въ философіи, ни въ искусствѣ. Потому, не будучи въ состояніи самопочинно привнести въ міръ наиболѣе себѣ созвучный художественный элементъ существованія, онъ ограничивался тѣмъ, что вездѣ и во всемъ его искалъ. Какъ эстетикъ, онъ не столько участникъ, сколько зритель бытія. Среди другихъ мыслителей, поэтовъ и ученыхъ, онъ является какимъ-то аскетомъ, отшельникомъ, который своего слова не вставитъ въ шумный потокъ мірскихъ рѣчей и сужденій, но все выслушаетъ, все запомнитъ и все переживетъ потомъ въ тиши своего уединенія. Этимъ созерцательнымъ духомъ умозрѣнія объясняется одна изъ характернѣйшихъ особенностей Страхова—его объективизмъ, его крайняя нелюбовь къ общимъ взглядамъ, къ широкимъ обобщеніямъ, къ схематизму, классификаціямъ и окончательнымъ выводамъ. Какъ истинный эстетикъ, Страховъ всегда бралъ предметъ своихъ сужденій самимъ по себѣ, единымъ и цѣльнымъ, какъ картину художника, какъ живой организмъ, какъ физическое тѣло. «Какъ вы это все широко захватываете!» говаривалъ онъ нерѣдко. «Въ этомъ изобиліи мыслей ужасно много опасностей и трудностей. Я такъ всегда предпочитаю избрать одну какую нибудь мысль, но зато исчерпать ее съ совершенной точностью и полнотою. Лучше ясно и убѣдительно изложить одну мысль, чѣмъ напутать десятокъ такъ, что читателю въ нихъ совершенно не разобраться». Таковъ онъ былъ во всемъ рѣшительно: послѣдовательный, медлительный, исчерпывающій вопросы по всѣмъ ихъ частностямъ и подробностямъ. Между тѣмъ объективизмъ вообще неразрывно связанъ съ аналитическимъ расчлененіемъ предметовъ изслѣдованія. Въ безконечномъ разнообразіи мірозданія слишкомъ легко затеряться тому, кто не избираетъ мельчайшихъ по возможности единиць наблюденія, чтобы ихъ наблюдать уже какъ самостоятельныя цѣлыя. Такимъ образомъ ясно, что, будучи эстетикомъ въ положительныхъ сторонахъ своего мышленія, Страховъ, въ силу созерцательнаго характера этого мышленія, непремѣнно долженъ былъ оказаться критикомъ въ сторонахъ отрицательныхъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ.

Трудно себѣ представить болѣе безжалостнаго скептика, болѣе смѣлаго и послѣдовательнаго отрицателя, болѣе грознаго разрушителя, чѣмъ этотъ благодушный эстетикъ-созерцатель. И въ этой противоположности нѣтъ ничего удивительнаго и нестройнаго; наоборотъ, трудно себѣ представить болѣе цѣльный и послѣдовательный умъ, чѣмъ у Страхова. Искатель цѣльности и единства, онъ не только предполагалъ ихъ въ совокупности явленій и сужденій, но требовалъ ихъ отъ всего объективно сущаго, отъ всякаго сужденія, всякой идеи, всякаго умозаключенія, всякой системы, притомъ требовалъ единства какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, какъ эмпирической, такъ и апріорной цѣльности и устойчивости. Малѣйшій недостатокъ въ этомъ отношеніи онъ непогрѣшимо и болѣзненно

чувствовать, какъ музыкантъ фальшивую ноту одного инструмента въ грохочущемъ оркестрѣ, и какъ тотъ прямо называетъ и сфальшивившій инструментъ, и невѣрно взятую ноту, и ту, которую бы слѣдовало взять, такъ Страховъ безошибочно подчеркивалъ во всякомъ сужденіи каждый его диссонансъ, мельчайшую несогласованность съ самимъ собою. Притомъ, какъ истинный эстетикъ, онъ не мѣрилъ предметовъ своего анализа какой нибудь готовой, предвзятой системой или мѣркой, но всегда обращался къ ихъ внутренней сущности взятыхъ самихъ по себѣ, стараясь во всемъ судить совершенно объективно. Для такой критики и не нужно никакой положительной догмы. Она прямо идетъ къ центру своего предмета, а въ полемикѣ—въ лагерь противника, и борется съ нимъ тамъ его собственнымъ оружіемъ, мѣряетъ его собственной мѣркой. Она вынуждаетъ противника не опровергать ея исходныя точки, но защищать все время свои собственные. Этой особенностью между прочимъ объясняется, что противники Страхова все требовали отъ него какого-то «знамени»; но знамя нужно полководцу, руководителю массы; а зачѣмъ знамя Самсону, изнутри сокрушающему громаду вражескаго храма и погребаящему подъ его развалинами всю боевую силу враждебнаго народа? На такихъ развалинахъ уже не трудно будетъ водрузить знамя побѣды тѣмъ, кто его имѣетъ. Напримѣръ, доказать, что матеріализмъ и нигилизмъ не суть ученія или системы, а лишь формы философскаго невѣжества, значитъ нанести имъ смертельный ударъ, значитъ именно сокрушить изнутри храмъ Дагона; и допустимъ даже, что его сокрушилъ слѣпецъ: неужели храмъ оттого менѣе разрушенъ? А съ другой стороны каждый можетъ воцариться надъ этими развалинами, даже не тотъ, въ чьемъ обладаніи ковчегъ завѣта.

На основаніи сказаннаго можно бы было, повидимому, заключить, что, если дѣятельность Страхова есть чистое разрушеніе, то она-то и представляется лишь тончайшимъ, ужаснѣйшимъ проявленіемъ того самого нигилизма, противъ котораго онъ столько боролся. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе нерѣдко и высказывается: «Вангъ Страховъ—нигилистъ», приходилось намъ слышать не однажды по поводу нашей характеристики его критическаго отношенія къ міру. Но, разумѣется, этотъ взглядъ ошибоченъ. Нигилистъ тотъ, кто отрицаетъ истину, а не тотъ, кто не вѣритъ въ чужія мнѣнія. Нигилистъ не тотъ, кто не признаетъ ученыхъ и ученій, а тотъ, кто не признаетъ науки. Нигилистъ не тотъ, кто не признаетъ философскихъ системъ, а тотъ, кто не признаетъ философіи; не тотъ, кто не признаетъ партій, а тотъ, кто не признаетъ государства; не тотъ, кто отвергаетъ тѣ или иныя произведенія искусства, а тотъ, кто отвергаетъ искусство. А быть нигилистомъ нигилизма—это, конечно, лишь пустая игра словъ. Да и наконецъ въ области философіи Страховъ склоненъ былъ условно, *provisorisch*, какъ говорятъ

нѣмцы, признавать философскую систему Гегеля. Такое «условное признаніе», разумѣется, непозволительно для философа въ строгомъ смыслѣ слова; но оно — черта эстетика, который признаетъ одно созданіе искусства болѣе совершеннымъ, чѣмъ другія, воплощеніемъ идеала красоты; который признаетъ извѣстную философскую систему наибольшимъ, сравнительно съ другими, приближеніемъ къ истинѣ. Въ гегельянствѣ же безспорно эстетикъ въ смыслѣ Страхова найдетъ наибольшее совершенство, встрѣчая въ немъ и единство всеобъемлющей стройности и строгое діалектическое установленіе и развитіе понятій. По связи мыслей не будетъ неумѣстна здѣсь оговорка, что крайне ошибочно весьма ходячее провозглашеніе Страхова гегельянцемъ. Совершенно справедливо, что Страховъ жилъ послѣ Гегеля, и зналъ, и изучалъ его произведенія, даже увлекался ими; но и до Гегеля, какъ и послѣ Гегеля, основной сущностью философіи была незабываемая вѣра въ науку и въ самое себя, основнымъ методомъ — діалектическое развитіе понятій, основнымъ настроеніемъ — пантеизмъ. Нельзя же называть эвклидистами всѣхъ геометровъ и ученыхъ, примѣнявшихъ геометрической методъ, или христіанами тѣхъ мыслителей древности, въ чьихъ произведеніяхъ сказывались аналогичныя христіанскимъ воззрѣніямъ. Методъ Гегеля есть вообще чистѣйшій методъ научнаго умозрѣнія, всѣми мыслителями примѣнявшійся и Гегелемъ не открытый или выдуманный, а только формулированный. Равнымъ образомъ и пантеизмъ, и извѣстный раціонализмъ вовсе не составляютъ еще специфическихъ особенностей гегельянства. Именно по этому, признавая заслуги Гегеля и ихъ высокое значеніе, Страховъ отнюдь не былъ гегельянцемъ, какъ и вообще не принадлежалъ во всю свою жизнь ни къ какой школѣ, ни къ какой партіи. Эта особенность была въ немъ непосредственно обусловлена его эстетико-критическимъ отношеніемъ къ міру. Та цѣльность и внутренняя стройность, которой Страховъ требовалъ и отъ системъ, и отъ понятій, крайне рѣдко свойственна ученіямъ какой бы то ни было школы. Каждая школа всегда группируется около какого нибудь первоначально чисто личнаго воззрѣнія, постепенно искажая и затемняя его поправками, оговорками и дополненіями. Личныя же воззрѣнія, волишь цѣльныя и стройныя біографически, нерѣдко бываютъ крайне противорѣчивы и неустойчивы догматически. То, что понятно и даже любезно въ учителѣ, что въ немъ искренно и необходимо, то нерѣдко становится несносной, слѣпо подражательной манерностью въ ученикахъ. Потому для творчески мыслящаго ума всегда предстоитъ или быть особнякомъ, выработать свое личное ученіе и собирать около себя учениковъ, или примыкать къ какому нибудь налично существующему ученію. Для ума же созерцательнаго широта его воззрѣній служитъ препятствіемъ умѣститься на прокрустовомъ ложѣ готовыхъ мнѣній, а ихъ инертность затрудняетъ выработать что либо самостоятельное. Потому они

постоянно подвержены величайшей опасности — впасть въ эклектизмъ. Страховъ былъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ въ этомъ смыслѣ, такъ какъ менѣе всего поддавался наклонности къ эклектизму. Эклектизмъ вѣдь все же есть сочиненіе нѣкотораго символа вѣры, изобрѣтеніе школы съ удобнымъ ученіемъ. Между тѣмъ Страховъ во всѣхъ областяхъ, въ которыя увлекала его природная любознательность, являлся не творцомъ, а зрителемъ, не писателемъ, а читателемъ, даже не критикомъ, а знатокомъ, — «эстетическимъ сластолюбомъ», какъ онъ самъ однажды выразился ¹⁾, предпочитая такимъ образомъ одинокое служеніе истинѣ массовому служенію догматамъ. А будучи цѣнителемъ чужихъ понятій и разоблачая, при надобности, ихъ несогласованность или внутреннюю неустойчивость, онъ тѣмъ самымъ оказывался чаще всего спорщикомъ, полемистомъ. Между тѣмъ въ полемикѣ эстетической объективизмъ Страхова чрезвычайно затруднялъ тѣхъ, кто покушался опровергать его критическій анализъ, но не встрѣчалъ въ немъ никакихъ апріорныхъ положеній, исходныхъ догматовъ. Этимъ и объясняются вопросы о «знамени», о томъ, «что такое г. Страховъ?», и провозглашенія его то пантеистомъ, то матеріалистомъ, то метафизикомъ, то буддистомъ, то наконецъ просто «филозѳомъ» — названіе, по словамъ Салтыкова, на бараньемъ языкѣ весьма обидное.

Для полноты характеристики намъ остается разсмотрѣть отношеніе Страхова къ достовѣрности, къ истинѣ. Въ области познанія непозволительно прилагать эстетическую мѣрку; но безспорно эстетичность возможна и въ умозрѣніи, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя мы предъявляемъ къ умозрительнымъ построеніямъ. Искать въ нихъ внутренней и внѣшней цѣльности и единства значитъ въ сущности требовать отъ нихъ послѣдовательности и логичности, точности опредѣленій, заключеній и выводовъ. Логика—художественность умозрѣнія; художественное всегда логично, и въ логичности безспорно силенъ элементъ художественности. Поэтому, въ связи съ общимъ характеромъ своего мышленія, Страховъ въ своей философской и научной критикѣ всегда придерживался діалектическаго метода, выставленія и развитія точныхъ понятій. Всякое построеніе онъ прежде всего разбивалъ на его составные элементы и провѣрялъ его устойчивость, исходя изъ основныхъ положеній. Отъ рѣчи онъ прежде всего требовалъ грамматической точности и правильности, отъ терминовъ—опредѣленности и ясности, отъ сужденій—категоричности и достовѣрности, отъ заключеній—вѣрности посылкамъ, отъ науки—безусловныхъ, вѣчныхъ истинъ. «Непреложныя истины составляютъ самое ядро науки, ея существенную и центральную часть. Это—лучшій образецъ нашего познанія, который поэтому составляетъ цѣль и правило всякихъ научныхъ

1) «Замѣтки о Пушкинѣ», стр. 229.

изслѣдованій. Всякія обобщенія дѣлаются и всякіе законы отыскиваются только въ той надеждѣ, что мы посредствомъ ихъ приближаемся къ нѣкоторымъ неизбѣемымъ положеніямъ, что все многообразіе и разнорѣчіе явленій современемъ будетъ нами подчинено непреложнымъ истинамъ. Стремленіе къ такому подчиненію есть главный нервъ науки»¹⁾. Притомъ эти истины въ его глазахъ «вовсе не факты, вовсе не эмпирическія познанія, а положенія исполнѣ или отчасти формальныя, которыя потому и справедливы всегда и безусловно, что не захватываютъ собою сущности вещей»²⁾. И вотъ централизація всѣхъ сужденій научнаго характера около этихъ безусловно убѣдительныхъ вѣчныхъ истинъ и составляла у Страхова его основной критическій пріемъ. Объективистъ и созерцатель, онъ никогда не пускался въ отважныя самостоятельныя построенія; онъ всегда имѣлъ дѣло съ наличными чужими разсужденіями и, какъ архимедовымъ рычагомъ, сокрушалъ ихъ «вѣчными истинами» въ центральномъ пунктѣ ихъ мнимой устойчивости. Потому ослѣпить, затемнить его было невозможно никакимъ авторитетомъ, никакою внѣшнею красотою системъ или воззрѣній; но и тамъ, гдѣ это случилось, Страховъ нимало не колебался пожертвовать самыми дорогими для него увлеченіями и вѣрованіями, какъ то было, на примѣръ, въ его отношеніи къ Тургеневу. Эта героическая готовность пожертвовать всякимъ мнѣніемъ истинѣ и вызвала упреки Страхову въ равнодушій къ истинѣ со стороны фантазеровъ догматики, склонныхъ видѣть воплощеніе истины въ каждомъ легковѣсномъ произведеніи своей фантастически догматизирующей мысли.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ основная сущность міровоззрѣнія Страхова, такъ сказать, душа его произведеній. Въ виду величайшей важности изложеннаго для всего дальнѣйшаго, необходимо будетъ дать краткое резюме предшествующихъ разсужденій. Главной чертой Страхова является эстетичность его воззрѣній и исканіе въ трансцендентальномъ истинной сущности бытія. Наибольшее къ этой сущности приближеніе достигается въ верховномъ этическомъ идеалѣ святости, который притомъ не обосновывается ни на какой религіи, ни на какой теософій. Эстетичность же умозрѣній Страхова сказывается болѣе всего въ исканіи цѣльности и стройности, какъ въ мірѣ, такъ и въ духѣ и творчествѣ челоуѣка. Однако же это исканіе отнюдь не является творческимъ, а чисто созерцательнымъ, чѣмъ обусловленъ величайшій его объективизмъ и критическое направленіе. Критическій анализъ Страхова притомъ отнюдь не является ни чистымъ разрушеніемъ, ни примѣненіемъ какихъ либо догматическихъ критеріевъ: это совершенно самобытный, чуждающійся всякой никольности, анализъ, опирающійся исключи-

¹⁾ «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 44.

²⁾ Тамъ же, стр. 56.

тельно на логику и «вѣчныя истины». Притомъ этотъ анализъ— воплощенная искренность, проникнутая величайшимъ безпристрастіемъ и готовностью во всякое время пожертвовать каждымъ мнѣніемъ и сужденіемъ, которое приходитъ въ противорѣчіе съ самимъ собой или своими основаніями. Это стройное міровоззрѣніе принадлежитъ пытливому, упорному духу, трудно мыслящему и приходящему къ окончательнымъ заключеніямъ, крайне воспримчивому, но въ то же время удивительно устойчивому. И всѣхъ этихъ особенностей нельзя не признать, хотя бы въ эмбриональномъ видѣ, въ рѣшеніи учащагося юноши посвятить свое вниманіе именно той области знанія, которая наиболѣе угрожаетъ его лучшимъ и самымъ дорогимъ идеаламъ.

III.

Итакъ, подъ гнетомъ нужды Страховъ рѣшилъ перейти изъ университета на казенный счетъ въ Главный Педагогическій институтъ, чтобы только не отказаться отъ своихъ занятій естествознаніемъ. Однако же отъ этого перехода онъ оказался даже ближе къ своей цѣли, чѣмъ подошелъ бы къ ней въ университетѣ. Курсъ наукъ въ институтѣ былъ двойной противъ университетскаго, совмѣщая въ себѣ предметы математическаго и естественнаго факультетовъ. Къ тому же Страховъ перешелъ въ институтъ въ его самую блестящую пору, въ январѣ 1848 года (тамъ курсъ наукъ начинался въ январѣ), когда директоромъ института какъ разъ былъ назначенъ И. И. Давыдовъ, а въ числѣ профессоровъ находились столь выдающіеся ученые, какъ Брандтъ, Остроградскій, Савичъ, Шиховскій и другіе. Впрочемъ этотъ переходъ имѣлъ и свою оборотную сторону, былъ важнымъ и весьма рѣшительнымъ шагомъ: поступаая туда на казенный счетъ, Страховъ тѣмъ самымъ обрекалъ себя на обязательную восьмилѣтнюю элементарно-педагогическую службу, не смотря на то, что въ немъ уже выработывалось намѣреніе посвятить себя академической научной дѣятельности. Между тѣмъ каждому, кто испыталъ это на себѣ, извѣстно, что совмѣщеніе служебныхъ обязанностей, въ особенности педагогическихъ, съ подготовкою къ ученой степени, можно сказать, превышаетъ силы человѣческія и способно надорвать дюжинную натуру, не только нервный организмъ болѣе тонкаго закала. Изнемогъ подъ этимъ двойнымъ бременемъ и Страховъ. Кончивъ курсъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ въ августѣ 1851 года, онъ поѣхалъ старшимъ учителемъ физики и математики во 2-ю одесскую гимназію. Между прочимъ при окончаніи курса имъ была написана его единственная работа по математикѣ, «Рѣшеніе неравенствъ первой степени», впоследствии (въ 1864 году) напечатанная въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ которой онъ излагаетъ три найденныя

имъ алгебраическія теоремы. «Въ 1852 году я перепросился въ Петербургъ», сообщалъ Страховъ въ своихъ «біографическихъ свѣдѣніяхъ», «на только что учрежденное въ гимназіяхъ преподаваніе естественной исторіи. Тогда было гоненіе на классицизмъ, а естественныя науки считались невиннымъ и возбуждающимъ богопочтеніе предметомъ. Девять лѣтъ я училъ этому предмету во 2-й с.-петербургской гимназіи. Послѣ десяти лѣтъ службы я не только отслужилъ весь срокъ за казенное воспитаніе, но еще получилъ при отставкѣ годовой окладъ—630 рублей». Къ этой же эпохѣ педагогической службы и подготовленія къ экзамену на магистра относится и появленіе въ печати первыхъ опытовъ Страхова лѣтомъ 1855 года: это было юмористическое стихотвореніе, пародія на пьесу Майкова, напечатанное въ «Современникѣ» въ одномъ изъ фельетоновъ Панаева, и рецензія на учебникъ естественной исторіи Д. С. Михайлова, написанная по просьбѣ автора учебника для «Сѣверной Пчелы». Впрочемъ и стихотвореніе, и замѣтка были въ глазахъ Страхова, по его словамъ, «дѣломъ случайнымъ», такъ какъ предстоявшій магистерскій экзаменъ поглощалъ тогда собою все его вниманіе. Въ 1857 году онъ успѣшно выдержалъ этотъ экзаменъ и защитилъ диссертацию на тему, данную ему его бывшимъ профессоромъ, знаменитымъ *Θ. Θ. Брандтомъ*: «О костяхъ запястья млекопитающихъ»¹⁾. Указанная выше чрезмѣрность двойной работы сказалась однако же въ томъ, что, преодолевъ всѣ главныя затрудненія, сдавъ утомительный экзаменъ и напечатавъ замѣчательную по полнотѣ и точности методическихъ требованій диссертацию, Страховъ потерпѣлъ неудачу на самомъ послѣднемъ, въ сущности пустяшномъ и притомъ чисто формальнымъ, препятствіи: именно, при всей несообразности сдѣланныхъ ему возраженій и на признаніе даже за нимъ ученой степени магистра, защита имъ диссертациі была такъ плоха, что его многіе считали провалившимся, и ему было неудобно добиваться кафедръ въ Петербургѣ. Влѣдъ за тѣмъ въ Москвѣ при замѣщеніи кафедръ, открывшейся за смертью профессора Рубе, ему предпочли А. Богданова, а въ Казань, куда его звали, онъ самъ не согласился ѣхать. Такимъ образомъ, цѣль многолѣтнихъ усилій и трудовъ не была достигнута, и профессура оказалась Страхову недоступной. Но тотъ, кто испыталъ однажды потребность въ аудиторіи, уже не можетъ оставить этой потребности безъ удовлетворенія и, за невозможностью имѣть слушателей, начнетъ искать себѣ читателей. Такъ было и со Страховымъ: «Письма объ органической жизни», которыя были имъ помѣщены въ 1858 году въ еженедѣльномъ журналѣ «Русскій Міръ», выходявшемъ подъ редакціей Стоюнина, самъ авторъ считалъ «настоящимъ вступленіемъ въ литературу». Эти письма составляютъ

¹⁾ Напечатана въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и затѣмъ издана отдѣльной книгой въ томъ же 1857 году.

теперь начальныя главы его книги «Міръ, какъ цѣлое», про которую самъ авторъ писалъ, едва ли, впрочемъ, справедливо въ отношеніи другихъ своихъ произведеній, въ предисловіи къ ея второму изданію: «наполовину съ отрадой, наполовину съ грустью мнѣ пришлось убѣдиться, что лучше я ничего не писалъ». Статьи имѣли успѣхъ и обратили на себя вниманіе Григорьева, знакомство съ которымъ Страхова состоялось немедленно по ихъ появленіи. Это знакомство замѣчательнаго русскаго критика со своимъ впослѣдствіи достойнымъ продолжателемъ имѣло огромное значеніе для послѣдняго и потому для исторіи русской критики вообще. Жаль въ виду этого, что Страховъ не успѣлъ при жизни переиздать своихъ воспоминаній о Григорьевѣ, появившихся въ «Эпохѣ» 1864 года, тѣмъ болѣе, что не разъ обѣщалъ знакомымъ включить ихъ въ свои «Воспоминанія и Отрывки», когда понадобится ихъ второе изданіе.

Хотя такимъ образомъ въ область самостоятельной жизни и въ частности на литературное поприще Страховъ первоначально выступилъ представителемъ естествознанія, однако же естественныя науки никогда не составляли его кореннаго, задушевнаго призванія. Къ занятіямъ ими онъ былъ первоначально приведенъ желаніемъ выйти изъ тѣхъ сомнѣній, въ которыя повергли его разногласія мнимыхъ выводовъ естествознанія съ его политическими и религіозными возрѣніями. Такимъ образомъ интересъ его къ естественнымъ наукамъ былъ, такъ сказать, отрицательный, эристическій, и знакомство съ ними должно было являться для него лишь переходнымъ моментомъ въ выработкѣ его идеаловъ, очевидно не будучи въ состояніи наполнить собою всю его умственную жизнь. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ, хотя «переходный моментъ» и оказался очень продолжительнымъ: только въ срединѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. уже на пятидесятомъ году жизни, по словамъ Страхова въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ», «онъ рѣшилъ, что онъ урожденный словесникъ: естественныя науки не увлекали его, а всякій успѣхъ въ языкахъ неизгладимо оставался въ памяти». Тѣмъ не менѣе въ области естествознанія Страхову удалось сыграть такую многознаменательную и богатую неисчислимыми послѣдствіями роль, какая достается на долю только первокласснымъ умамъ челоувѣчества. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вліяніе произведеній Страхова до сихъ поръ мало замѣтно въ естествознаніи: это вліяніе еще всецѣло принадлежитъ будущему. Обращаясь, однако же, къ выясненію значенія Страхова въ области точныхъ наукъ, поневолѣ приходится предпослать ему разборъ философской дѣятельности Страхова: такъ она тѣсно связана съ его научными трудами, и такъ неразрывно было у него, біографически, изученіе естествознанія и философіи.

Мы находимся у центра настоящей статьи, пріидя къ необходимости выяснитъ положеніе Страхова въ области философіи. Но та-

кое выясненіе возможно только при точномъ опредѣленіи, что именно слѣдуетъ подразумѣвать подъ понятіемъ философіи. Отвлекаясь отъ отдѣльныхъ философскихъ системъ, ученій и направленій, и имѣя въ виду сущность философіи по ея содержанію, мы должны будемъ опредѣлить ее, какъ теорію духа, въ самомъ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова. Духъ человѣческій очевидно объемлетъ въ себѣ, какъ въ цѣломъ, всѣ внутреннія способности и свойства человѣка, т. е. и его познаніе, и умозрѣніе, и волю, и ощущенія и чувства, словомъ принимается нами въ обширномъ декартовскомъ смыслѣ. При такомъ опредѣленіи философіи намъ понятно возникновеніе въ ея нѣдрахъ и метафизическаго направленія, т. е. исканія крайнихъ предѣловъ человѣческаго познанія, и критической школы, посвятившей свои усилія теоріи познанія, и такъ называемой реальной школы, исходящей изъ психологическихъ понятій, и материализма даже, стремящагося почерпнуть основанія теоріи духа въ ученіи точныхъ наукъ о матеріи и силахъ. Далѣе, при этомъ опредѣленіи философія всего тѣснѣе приближается къ достиженію своей исконной цѣли — самопознанію духа. Нельзя не указать на то, что выписанное нами выше (стр. 217) разсужденіе Страхова о религіи очень близко подходитъ къ такому опредѣленію, даже начертываетъ намъ его верховный идеаль; но не надо упускать изъ вида, что этотъ идеаль, т. е. религія, опирается въ своихъ утвержденіяхъ на чисто волевое, а не умозрительное основаніе, именно — на вѣру. Если устранить это основаніе, то философія, какъ теорія духа, возникаетъ, какъ вопросъ, вновь открытый на мѣстѣ вопроса, исчерпаннаго религіей. Мало того, даже вѣрующій духъ не можетъ, да по смыслу всѣхъ религіи и не долженъ, удовлетворяться одною вѣрою, ибо человѣку свойственна помимо потребности въ добрѣ, удовлетворяемой по предначертаніямъ религіи, еще и потребность въ истинѣ и красотѣ. Даже наиболѣе вѣрующимъ и религіознымъ людямъ свойственна склонность къ наукѣ и искусству. Наконецъ въ отношеніи къ міру вѣра даетъ рѣшимость и силы твердо выносить мучительное бремя земнаго существованія, но не даетъ полнаго примиренія съ міромъ. Нравственная стихія человѣка не признаетъ родства съ безразличною природою; совершенно иныя настроенія порождаютъ стихіи умозрительная и эстетическая, т. е. наука и искусство. Знаніе учитъ нашъ разумъ примиряться съ міромъ во всей его неисправимости, ибо иначе, чѣмъ мы познаемъ и понимаемъ міръ, онъ и существовать не можетъ; наука убѣждаетъ насъ, что все, что случается, должно было съ неотразимой логичностью случиться именно такъ, какъ случилось, и случиться иначе могло бы только въ нарушеніе законовъ міра. Эта примирительная роль познанія особенно ярко была почувствована Лейбницемъ, въ своей знаменитой теодицеѣ провозгласившимъ нашъ міръ — лучшимъ изъ существующихъ, мысль, истинное содержаніе которой сво-

дится, аналогично съ Гегелевскимъ положеніемъ, что «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно», къ тому, что нашъ міръ есть единственный логически несомнѣнный изъ возможныхъ. Искусство же примиряетъ съ міромъ мятежный чело-вѣческій духъ, открывая ему красоту мірозданія и тѣмъ самымъ доказывая, что міръ не есть зло, хотя и лежитъ во злѣ, такъ какъ зло не можетъ быть прекрасно въ своей безусловности и слѣдова-тельно не можетъ составлять основы того міра, который можетъ быть прекрасенъ.

Такимъ образомъ, знаніе и искусство—вотъ, послѣ религіи, два составныхъ элемента духовнаго міра челоѣчества, почерпывающіе наряду съ этикой и психологіей содержаніе философіи, теоріи духа, теоріи умозрительной, тогда какъ непосредственной волевой теоріей его является религія. Но выше (стр. 226) было уже указано, что религіозные вопросы Страховъ, какъ писатель, умышленно оставлялъ всегда въ сторонѣ, и потому при выясненіи его міровоззрѣнія они также не должны быть поднимаемы, какъ и всѣ другіе личные вопросы его совѣсти. Обращаясь же къ философіи Страхова, мы должны установить его отношеніе къ области знанія, выяснить его воззрѣнія на научную истину. Въ названной области его роль всецѣло опредѣлилась тѣмъ, что онъ былъ эстетикомъ, критикомъ и объективистомъ. Созерцаая жизнь и духъ, какъ цѣлое, онъ не впалъ въ заблужденіе, столь свойственное многимъ даже величайшимъ умамъ челоѣчества, которые именно въ силу своего умственнаго величія склонны разумъ, дознаніе истины, полагать во главу угла своего міровоззрѣнія и, всецѣло уходя въ его сферу, не находятъ полного удовлетворенія въ односторонне разсматриваемой ими жизни. Напротивъ, Страховъ сразу увидѣлъ, что наука—лишь одна изъ нѣсколькихъ задачъ духа, не могущая сама по себѣ дать ему полного удовлетворенія. «Не только питаюсь естественно-научными познаніями»,—писалъ онъ ¹⁾,—«но поглощая и всякія другія, мы можемъ оставаться совершенно голодными. Намъ не удовлетворяетъ подведеніе явленій подъ раціональныя формы, и мы враждуемъ противъ мысли о полной раціональности міра». Такимъ образомъ онъ особенно ясно со-зналъ и выразилъ, что познаніе не исчерпываетъ собою загадки бытія, не отвѣчаетъ на всѣ запросы духа. Его предметъ—раціональ-ныя формы явленій, которыя вполнѣ разъясняются лишь всею со-вокупностью наукъ и въ томъ числѣ, разумѣется, теоріей познанія и познаванія, т. е. гносеологіей и логикой, включая въ послѣднюю методологію. И вотъ въ этихъ послѣднихъ, узкихъ и тѣсныхъ, предѣлахъ Страховъ и принималъ философію, т. е. придерживался взгляда на нее, какъ на центральную науку, какъ на «наукословіе», Wissenschaftslehre Фихте. Въ своихъ произведеніяхъ онъ никогда

1) «О вѣчныхъ истинахъ», стр. 29.

не бралъ философію въ полномъ, широкомъ объемѣ ея, никогда не строилъ на философскихъ основаніяхъ ни этики, ни эстетики, словомъ, какъ объективистъ, не вдавался въ desiderata философіи, а держался ея наличныхъ, положительныхъ приобрѣтеній, сводящихся въ существѣ дѣла къ началкамъ теоріи познанія и началкамъ же методологіи. Но зато этимъ небольшимъ капиталомъ онъ пользовался съ изумительнымъ мастерствомъ и глубиною. Около него онъ собиралъ всѣ точныя науки и, освѣщая ими мірозданіе, строилъ свою широкую концепцію міра, какъ цѣлаго. Эта концепція, разумѣется, является не естественно-научнымъ, а чисто философскимъ понятіемъ.

Что такое міръ самъ по себѣ—того человѣку не дано знать. Міръ является цѣлымъ для религіи, для науки, для искусства, но всегда при условіи сосредоточенія этого цѣлаго около сознательнаго центра—человѣка. Религія, полагая въ основаніе бытія верховную разумную волю божества, такъ сказать, извнѣ міра предоставляетъ центральное въ немъ положеніе человѣку. Съ точки зрѣнія всякой религіи міръ созданъ для человѣка или законченъ человекомъ, что, въ сущности, одно и то же. Эта точка зрѣнія совершенно ясна и проста; но она цѣльна только изнутри себя самой, такъ какъ ея достовѣрность не предусматриваетъ не-религіознаго, не-вѣрующаго человѣка, того, который пожелалъ бы построить свое міропознаніе на чисто рационалистическихъ основаніяхъ. Такое воззрѣніе можетъ очевидно разсматривать міръ только, какъ познаваемое, т. е. исходитъ изъ познающаго начала, разума, разумнаго человѣка, который слѣдовательно и съ философской точки зрѣнія, какъ съ религіозной, является централизующимъ міръ первоначаломъ. Не углубляясь дальше въ анализъ этого сходства, необходимо, однако, здѣсь же указать и на существенное различіе міровоззрѣнія религіознаго и философскаго. Опираясь на внѣ-матеріальныя начала, религія освобождаетъ человѣка отъ матеріи и ея законовъ, освобождаетъ духъ отъ плоти, въ томъ смыслѣ, что законы ея должны уступать въ случаѣ коллизіи законамъ духа, и такимъ образомъ указываетъ человѣку этическую роль въ мірѣ. Напротивъ того, философія ставитъ человѣка въ центръ міра, какъ бы изнутри освѣщающимъ храмину природы фонаремъ разумнаго познанія, и призываетъ человѣка на поприще созерцательное. Религія исходитъ изъ верховной творяще-правлящей воли и указываетъ человѣку на его творческую, приводящую роль въ мірѣ; философія же опирается на самый разумъ человѣка, какъ на ключъ міра, и потому предназначаетъ человѣка къ пассивной, имманентной міру дѣятельности. Религія включаетъ въ себя философію, даже независимую отъ ея догматовъ; напротивъ того, философія исключаетъ и отвергаетъ религіозное познаніе міра. Религія всеобъемлюща, какъ міръ, и принимаетъ въ себя всѣ элементы духа, ни одного не подавляя и всѣ окрыляя; напротивъ, философія

исключительна, какъ логика, и стремится весь міръ и весь духъ претворить въ себя самое, подвести подъ свой категоріи. О мірѣ, какъ цѣломъ, съ точки зрѣнія искусства мы, по задачамъ статьи, считаемъ возможнымъ не вдаваться въ особія изслѣдованія.

Согласно предыдущему, философія, полагая разумъ центромъ міра, получаетъ возможность и приходитъ къ необходимости разсматривать міръ, какъ цѣлое, т. е. какъ необходимое цѣлое и единое цѣлое. Однако же въ области мысли замѣчалось искони и другое теченіе, нерѣдко получающее неточное и неподходящее названіе матеріализма, которое отрицало или единство, или необходимость міра, какъ цѣлаго, т. е. или устраняло изъ міра разумъ, какъ мѣрку мірозданія, или считало цѣльность міра случайной. Изъ томъ и въ другомъ случаѣ человекъ не признавался центромъ міра и разсматривался, какъ одно изъ чисто матеріальныхъ явленій природы, какъ случайная зыбь вѣчнаго потока слѣпыхъ явленій. Такимъ образомъ въ предѣлахъ познанія происходилъ подмѣнъ философіи естествознаніемъ, т. е. устранялась исходная точка и замѣнялась нѣсколькими ея частными слѣдствіями. Въ переживаемое нами время уже становится бесполезнымъ доказывать нелѣпость и противорѣчивость такого взгляда, представляющаго изъ себя смѣшеніе теоріи познанія съ фізіологіей мозга и теоріи духа съ теоріей матеріи. Но еще середина истекающаго столѣтія была эпохой, можно сказать, всемірнаго торжества этой нелѣпой доктрины и притомъ до такой степени, что самое понятіе философіи считалось совершенно никуда не годнымъ, могущимъ развѣ занимать туницъ или смѣшить уличныхъ мальчишекъ. Не имѣя возможности углубляться въ историческія причины этого послѣдняго явленія, мы считаемъ, однако же, необходимымъ намѣтить ихъ въ общихъ чертахъ. Матеріализмъ XIX вѣка имѣлъ двоякій источникъ: онъ обязалъ своими небывальыми дотогѣ силами частію размаху собственной инерціи, частію общему упадку философіи. Какъ инертное теченіе, европейскій англо-франко-швейцарскій матеріализмъ насчитываетъ уже нѣсколько столѣтій; но до Канта его усилія парализовались великимъ значеніемъ догматическаго раціонализма, господствовавшаго на кафедрахъ и вообще въ наукѣ. Кантъ выступилъ роковымъ противникомъ этого направленія, строившаго философское міровоззрѣніе не иначе, какъ на религіозныхъ основаніяхъ, т. е. исходившаго изъ предположенія въ человекѣ трансцендентнаго, сверхчувственнаго знанія, признававшаго сверхопытныя сущности и понятія. Кантъ вернулъ разумъ въ центръ міра, сдѣлалъ его не посредникомъ, а источникомъ міропознанія, словомъ, вновь совершилъ подвигъ Сократа, «сведя философію съ неба на землю». Ясное дѣло, такимъ образомъ, что критика Канта была направлена не на раціонализмъ, какъ таковой, а лишь на наличный въ его время догматическій раціонализмъ, и ниспровергала не философію, а философовъ. Его критика была

направлена противъ религіозной філософіи, которая представляетъ, изъ себя внутренне-противорѣчивое понятіе, какъ разъяснено выше, ибо філософія не можетъ служить источникомъ религіи и не можетъ имѣть ее своимъ источникомъ, такъ какъ сущность религіи—вѣра, а сущность філософіи—познаніе. Самъ Кантъ понималъ свою критику именно въ этомъ смыслѣ, такъ какъ, разрушивъ современныя ему метафизическія (т. е. сверхчувственныя) системы, онъ издалъ свои «Предначертанія всякой будущей метафизики», т. е. раціоналистической системы умозрѣнія. Именно такъ понятъ былъ Кантъ и однимъ изъ ближайшихъ къ нему по времени послѣдователей—Гегелемъ, этимъ совершеннѣйшимъ представителемъ раціонализма изъ мыслителей, жившихъ послѣ Канта, и родоначальникомъ діалектическаго, т. е. чисто умозрительнаго метода, какъ сознательнаго принципа. Но не такъ поняло его наше разочарованное, пессимистическое столѣтіе. Уже Шопенгауеръ выводилъ свою безотрадную філософію изъ ученія Канта; уже ближайшіе ученики Гегеля вроде Фейербаха видѣли въ Кантѣ ключъ къ отрицанію філософій вообще, т. е. раціонализма, какъ сущности міропознанія. Въ этомъ временномъ ослабленіи потрясенной Кантомъ философской мысли и кроется разгадка успѣховъ матеріализма: его ученія перестали встрѣчать живой и устойчивый отпоръ, и все, что не было знакомо съ філософіей, начало съ убѣжденіемъ отрицать ее. Наряду съ отрицаніемъ умозрѣнія, какъ системы, шло отрицаніе діалектики, какъ метода. Чувственный опытъ и синтезъ замѣнили логику и анализъ. Наука провозгласила своимъ основаніемъ факты, а не понятія. Это направленіе особенно успѣшно повліяло на прикладную часть наукъ, на изобрѣтенія, обогатившія въ нашемъ столѣтіи чело-вѣчество неисчислимыми удобствами и улучшениями быта. Нашъ вѣкъ—по преимуществу вѣкъ изобрѣтеній, вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, электричества, фотографіи, спектральнаго анализа. Всѣ эти богатства очевидно нимало не углубляютъ нашего познанія, не раскрываютъ намъ яснѣе сущности науки; но они необычайно расширяютъ ея предѣлы, умножаютъ ея предметы, воистину затмеваютъ славу Колумба, открывшаго міру только одинъ Новый Свѣтъ. Вся совокупность этихъ условій и повела къ тому, что наука и умозрѣніе точно остановились послѣ критики Канта, какъ солнце и луна по возгласу Навина. Человѣчество пріостановило углубленіе знаній и занялось ихъ расширеніемъ, стало реализовывать капиталы науки, переводя ихъ въ усовершенствованія быта и удобства жизни. Філософія замерла; научныя системы отошли въ прошедшее; ихъ мѣсто заняли классификаціи, наблюденія, обобщенія, наконецъ отдѣльныя теоріи и гипотезы. Болѣе того, не удовлетворяемый самимъ собою, опытъ пустился опытнымъ путемъ въ изученіе сверхчувственнаго: появился спиритизмъ, это забавное заблужденіе, къ счастью, совершенно безобидное и заслуживающее вниманія только потому, что ему поддавались

даже люди науки, даже замѣчательные ученые. Послѣдовательно проводимый матеріализмъ въ союзѣ съ гегелевскою идеею развитія, въ которой діалектическая послѣдовательность умозаключеній самымъ простодушнымъ образомъ была смѣшана съ постепенностью органическихъ метаморфозъ и вообще органическаго совершенствованія, былъ проведенъ въ науку и превратилъ силлогизмы въ организмы въ видѣ такъ называемой эволюціи идей, а съ другой стороны, систематическую классификацію живыхъ существъ сочтя за историческій ихъ генезисъ, породилъ уродливое Дарвиновское ученіе. Продукты умозрѣнія, т. е. системы, рассматривались, какъ явленія жизни, т. е. ряды метаморфозъ: дальше не можетъ идти упадокъ методическаго мышленія. Прямымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ явилась господствующая донинѣ въ умахъ невѣроятная путаница, полная утрата цѣльности воззрѣній. Понятіе о мірѣ, какъ цѣломъ, представлялось нашему столѣтію какою-то безусловною нелѣпностью, ничего рѣшительно не выражающею фразой.

Сдѣланный сжатый очеркъ прямо указываетъ положеніе Страхова въ области философіи. Онъ собственно не былъ философомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Его опорой и основаніемъ, а потому и главнымъ интересомъ, была не теорія духа, но точныя науки. Въ юности религія замѣняла ему вполнѣ эту теорію, и біографически онъ приведенъ былъ къ философіи естествознаніемъ. Разладъ мысли съ религіей, первичный моментъ всякаго философствованія, оставался ему чуждымъ. Онъ первоначально, въ своей молодости, не нуждался въ замѣнѣ религіозныхъ воззрѣній философскими, и теорія духа понадобилась ему только, какъ теорія знанія; при томъ же къ этой потребности онъ пришелъ не изъ научныхъ занятій вообще, а изъ одной спеціальной отрасли знанія—естествовѣдѣнія. Юридическія, историческія, филологическія, математическія науки не играли своими запросами ни малѣйшей роли въ направленіи его философствующаго ума. Онъ восходилъ отъ данныхъ точной науки до высшихъ положительныхъ началъ философіи, какъ бы изъ основанія конуса къ его вершинѣ, тогда какъ истинный философъ опускается лучами умозаключеній изъ центра своихъ гносеологическихъ воззрѣній, какъ изъ свѣтящейся звѣзды, къ любой частности положительнаго знанія. Онъ подымался до философіи, но не исходилъ изъ нея. Этимъ и обусловлено то, что Страховъ не примыкалъ въ ея области ни къ одной положительной системѣ, не создавши въ то же время никакого новаго ученія. Онъ и въ области философіи явился критикомъ-объективистомъ, не творцомъ, а искателемъ положительныхъ ученій. Эти положительные ученія немногочисленны, хотя многозначительны, и могутъ быть выражены немногими словами. Познающее я не можетъ быть предметомъ познанія; познаніе имѣетъ своимъ предметомъ формы, а не сущность вещей; законы познанія суть въ то же время законы познаваемаго; вотъ—три исходныхъ

пункта его воззрѣній, дающіе въ сжатомъ видѣ положительное обоснованіе рачіонализма. Это не система, а только намекъ на систему. Притомъ, интересуясь философіей главнымъ образомъ съ точки зрѣнія естествознанія, Страховъ искалъ въ ней прежде всего методологіи. Понятно такимъ образомъ, какъ въ философіи Страховъ остался вѣренъ себѣ самому, вездѣ выступая критикомъ, искателемъ положительныхъ, безспорныхъ началъ, отдѣляя условное отъ безусловнаго и всею силою своей діалектики разоблачая условность условнаго. Среди всеобщаго торжества матеріализма, эмпиризма, наконецъ позитивизма—такъ называется самый плоскій матеріализмъ, отрицающій вообще теорію духа и стрѣящій міровоззрѣніе исключительно на данныхъ точныхъ наукъ—Страховъ выступилъ, какъ діалектикъ-раціоналистъ; среди всеобщаго стремленія разсматривать міръ только съ научной точки зрѣнія, онъ выступилъ эстетикомъ, признающимъ самую жизнь мѣриломъ жизни, и потому взирающимъ на науку, лишь какъ на одинъ изъ формальныхъ элементовъ жизни; среди общаго утилитарнаго, изобрѣтательнаго направленія науки онъ выступилъ представителемъ чистаго умозрѣнія, познавательнаго направленія. Такимъ образомъ въ эпоху упадка философской мысли онъ выступилъ критикомъ и изобличителемъ этого упадка, не будучи въ то же время создателемъ какой либо положительной системы. Онъ не указывалъ новаго пути, но порицалъ тотъ, который избранъ былъ человѣчествомъ. Онъ не призывалъ къ рачіонализму, но отклонялъ отъ эмпиризма. Въсѣгъ съ тѣмъ, онъ не находилъ ни одной положительной системы, къ которой могъ бы примкнуть, и потому въ области философіи его критика носила чисто отрицательный характеръ, кромѣ методологіи, въ которой онъ указывалъ и постоянно напоминалъ великое значеніе заслуги Гегеля. Выражаясь двумя словами, роль Страхова въ области философіи сводилась къ борьбѣ съ матеріализмомъ и эмпиризмомъ. Иначе, во имя философіи Страховъ отрицалъ и порицалъ всѣ философскіе элементы мышленія девятнадцатаго вѣка, не указывая притомъ никакого положительнаго исхода и не пускаясь самъ лично въ умозрительныя построенія. Таково содержаніе и духъ его единственной книги, посвященной вопросамъ философіи, одного изъ послѣднихъ его изданій по времени, его «Философскихъ очерковъ».

Всѣ особенности этого отношенія къ философіи отразились и на естественно-научныхъ трудахъ Страхова, къ анализу которыхъ мы считаемъ теперь возможнымъ обратиться. Біографически Страховъ занялся естествознаніемъ, какъ наукой, выводы которой, казалось, колебали и подрывали его первоначальныя этическія и религіозныя воззрѣнія. Потому, естественно, наиболѣе интересовавшимъ его вопросомъ былъ вопросъ, такъ сказать, о компетенціяхъ естествовѣдѣнія, о его объемѣ и предѣлахъ. Матеріализмъ, какъ выше

указано, подмѣнялъ теорію духа теоріей матеріи, вращаясь такимъ образомъ въ бѣличьемъ колесѣ круговаго умозаключенія; далѣе, будучи по существу дѣла рачіонализмомъ, хотя и извращеннымъ, матеріализмъ враждовалъ противъ религіознаго взгляда на освобождающіе отъ законовъ плоти нравственные законы духа и съ чисто рачіоналистической послѣдовательностью отрицалъ идею нравственнаго долга, какъ начало этики, ставя ее на опытныхъ основанія, то-есть наблюденіями надъ логически-несвободной волей пытаясь опровергать ученіе о свободномъ нравственномъ долгѣ. Эти притязанія Страховымъ были разоблачены съ неотразимой убѣдительностью въ цѣломъ рядѣ научныхъ изслѣдованій и сочиненій, какъ и всегда у него, не составляющихъ систематически связнаго цѣлаго, но проникнутыхъ одной общей идеей. Эта идея можетъ быть выражена тремя словами: объективная критика науки. Страховъ провелъ положительное содержаніе точныхъ наукъ сквозь горнило своей діалектики и первымъ, главнѣйшимъ результатомъ этого явилось въ немъ ясное сознаніе того, что наука есть познаніе только существующаго, и что слѣдовательно идеи должнаго и возможнаго лежатъ внѣ ея области. Это сразу вернуло науку въ свѣтѣ его критики къ ея истиннымъ задачамъ и изъ какой-то разрушительной системы превратило естествознаніе въ «невинное и возбуждающее богопочтеніе» ученіе о формахъ явленій органической и неорганической природы.

Но, вѣрный самому себѣ, Страховъ и это ученіе разсматривалъ прежде всего, какъ цѣлое, съ точки зрѣнія внутренней цѣльности, связности и соотвѣтствія частей. Съ этой стороны его критикѣ представилось еще болѣе широкое и богатое попріще. Кажущаяся издали такимъ стройнымъ и устойчивымъ тѣломъ, равняющаяся какъ будто достовѣрностью своихъ положеній математикѣ и астрономіи, наука о природѣ представляется болѣе пристальному и внимательному взору только грубо намалеванной декорацией, отъ призрачнаго великолѣпія которой ничего не остается для того, кто перешелъ черту извѣстнаго ближайшаго разстоянія. То, что издали кажется крѣпостью, вблизи оказывается лишь кулисой; горы и скалы превращаются въ зыбкіе подмостки, заставленные картонами; могущественныя обобщенія, широкія гипотезы естествознанія, его, повидимому, неизбѣжныя основанія и исходныя понятія представляются такими же непрочными кулисами для внимательнаго и безпристрастнаго критика. Такими оказались они для Страхова, и такими показали онѣ ихъ въ своихъ произведеніяхъ каждому непредубѣжденному читателю. Мнимая система міра превратилась въ наборъ наблюденій, достовѣрныхъ самихъ по себѣ, но ничего собою не уясняющихъ, такъ какъ опираются на смутныя и неопредѣленныя начала. Именно эти начала-то Страховъ и избралъ предметомъ своего анализа, такъ какъ именно къ началамъ-то и долженъ быть прило-

жень тотъ діалектичскій методъ, который, если рационализмъ—душа науки, долженъ являться какъ бы ея нервной системой. Съ этой точки зрѣнія началъ онъ подвергать своей критикѣ четыре отрасли естествознанія—зоологію, фізику, фізіологію и психологію. Первымъ двумъ наукамъ посвящена книга «Міръ, какъ цѣлое», вторымъ двумъ—«Основныя понятія фізіологіи и психологіи». Первая часть «Міра, какъ цѣлаго» посвящена началамъ ученія о человѣкѣ, т. е. выясненію самаго понятія жизни въ ея противоположности формальному бытію и понятія разумнаго существа, т. е. человѣка, какъ центра міра, какъ совершеннѣйшаго проявленія жизни. Первый вопросъ Страховъ разсматриваетъ въ связи съ положеніемъ «человѣкъ есть животное», второй же—въ связи съ предположеніемъ о существованіи жителей планетъ, какъ разумныхъ организмовъ, существенно отличныхъ отъ человѣка и притомъ болѣе совершенныхъ. Блестательнымъ разборомъ этихъ положеній Страховъ выясняетъ, что жизнь есть совершенствованіе, въ чемъ, между прочимъ, находитъ и разгадку смерти, которая не даетъ организму пережить достигнутаго имъ совершенства, и что разумъ, какъ высшее проявленіе жизни, не можетъ имѣть степеней, а слѣдовательно разумныя существа возможны только подобными человѣку. Вторая часть главнаго научнаго сочиненія Страхова посвящена ученіямъ о неорганической природѣ, содержа въ себѣ критику атомизма, ученія о силахъ и ученія объ элементахъ или простыхъ тѣлахъ. Современные ученія о веществѣ сводятся, какъ извѣстно, къ ученію объ атомахъ и силахъ, представляющему изъ себя не болѣе, какъ гипотезу, притомъ, по превосходнымъ критическимъ разъясненіямъ Страхова, гипотезу не только несостоятельную, но и ненужную для науки, даже болѣе того, пожалуй, и вредную для нея, такъ какъ эта гипотеза подмѣняетъ намъ понятіе вещества представленіемъ о веществѣ и сводитъ все пониманіе міра на механику явленій, на пространственныя и временныя отношенія. Эта вторая часть «Міра, какъ цѣлаго» представляется воистину неподобнымъ произведеніемъ, съ такою неопровержимую точностью и почти простодушной общедоступностью изложенія разбивающимъ основныя начала современныхъ ученій о веществѣ, какой можно только завидовать или удивляться. Далѣе, въ «Основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи» Страховъ опять-таки намѣчаетъ истинныя задачи и предметы этихъ наукъ въ противоположность существующимъ въ естествознаніи стремленіямъ психологію свести на фізіологію, а фізіологію на фізику, т. е. построить всѣ явленія міра на механическомъ ученіи о веществѣ. Онъ указываетъ, что предметъ психологіи есть духъ человѣчскій, т. е. чистый субъектъ, а не та или другая его объективация; равнымъ образомъ въ область психологіи входитъ только субъективная сторона явленій. Въ фізіологіи же онъ видитъ науку не о функціяхъ организмовъ, а о зако-

нахъ организованія, ученіе объ органической жизни или о развитіи, наиболѣе яснымъ и знакомымъ намъ типомъ котораго онъ представляетъ психическое развитіе, такъ что фізіологія въ его глазахъ является наукой о вещественныхъ формахъ духа. Сводя все эти положенія къ одному общему единству, мы видимъ, что естествознаніе, по крайней мѣрѣ современное, всецѣло проникнуто стремленіемъ построить механическое ученіе о мірѣ, т. е. рассматриваетъ міръ, какъ случайное цѣлое, и въ этомъ стремленіи единство міра находитъ не въ источникѣ познанія — разумѣ, а въ его предметѣ, т. е. веществѣ. Такъ какъ, однако же, вещество не даетъ понятій, а только представленія, то современное естествознаніе поневолѣ принуждено исходить въ своихъ положеніяхъ изъ представлений, не располагая ни однимъ твердо и устойчиво выясненнымъ понятіемъ. Естествознаніе—тѣло безъ души, разсыпанная хранина достовѣрныхъ наблюденій, ничѣмъ не объединенная, ни изъ какихъ точныхъ началъ не исходящая и потому никакихъ общихъ выводовъ не дающая.

Каково же общее значеніе этой критики естествознанія? Въ многихъ словахъ оно заключается въ слѣдующемъ. Страховъ выяснилъ глубокое внутреннее несовершенство естественныхъ наукъ, отсутствіе въ нихъ внутренней цѣльности, опредѣленныхъ задачъ и ясныхъ началъ. Не связанное внутреннимъ единствомъ научной цѣли естествознаніе, какъ растаявшій кристаллъ, разлилось по всей области умозрѣнія, стремясь напитать все познаніе своими формами и не сознавая, что эти формы—формы познанія и, стало быть, для изученія самаго познанія вовсе не пригодны. Страховъ указалъ на необходимость одухотворить мертвое тѣло механическаго естествознанія живою водою діалектическаго умозрѣнія, на необходимость умозрительнаго творчества въ его области; иными словами указалъ на необходимость философскаго анализа началъ и понятій естествознанія. Страховъ показалъ, что естествознаніе размѣнялось на изобрѣтенія, забыло свои высшія задачи въ погонѣ за мелочами и теперь превратилось въ какую-то инертную массу свѣдѣній, нуждающуюся въ одухотвореніи однимъ общимъ началомъ философскаго изслѣдованія. Наконецъ, онъ указалъ, что одна изъ главныхъ слабостей науки о природѣ—ея односторонность, ея, такъ сказать, самодовольная исключительность, въ силу которой представители естествознанія специализируются въ немъ одномъ и, обольщенные убѣжденіемъ въ его мнимой достовѣрности, довольствуются узкою областью частнаго знанія вмѣсто всеобъемлющаго просвѣщенія. И въ этомъ смыслѣ Страховъ является едва ли не единственнымъ истинно просвѣщеннымъ, а не только ученымъ мыслителемъ второй половины нашего незавидной памяти истекающаго девятнадцатаго столѣтія. Передъ самомнящими специалистами, изъ которыхъ каждый убѣжденъ, что въ избранной имъ области и находится

центр высшихъ интересовъ человѣчества, изъ которыхъ каждый понимаетъ просвѣщеніе, лишь какъ сумму знаній, и, видя невозможность для себя знать все, желаетъ принести посильную пользу тѣмъ, что будетъ знать и изучать хоть что нибудь, Страховъ во истину является эстетикомъ умозрѣнія, охватывающимъ однимъ взоромъ все значеніе всей науки въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и въ жизни всего человѣчества и потому глубоко и прямо судящимъ объ истинныхъ ея задачахъ и надлежащихъ предѣлахъ. Познаніе, то-есть философія и наука, лишь одинъ изъ нѣсколькихъ элементовъ жизни; а въ частности естествознаніе не только не есть наука по преимуществу, но даже, наоборотъ, наименѣе научная изъ наукъ, уродливый наборъ голыхъ свѣдѣній, ничѣмъ изнутри не объединенныхъ и не освѣщенныхъ. Если есть область знанія, нуждающаяся въ коренномъ пересмотрѣ и преобразованіи, то это именно естествознаніе; оно—хаосъ, жаждущій одухотворенія его единой и могущественной концепціей творческаго умозрѣнія.

Нельзя не остановиться въ заключеніе на этой, только что упомянутой, потребности. Страховъ не только указалъ на ея неизбежность и законность, но даже подмѣтилъ ея несомнѣнныя проявленія въ современномъ естествознаніи, показалъ, какъ оно, не удовлетворенное своими мнимыми богатствами, само ищетъ изъ себя выхода; въ то же время ему удалось выяснитъ, какъ нерѣдко науку выводятъ за ея предѣлы и тѣмъ самымъ отрицаютъ ее—умы, предъявляющіе къ пей запросы, не вытекающіе прямо изъ ея непосредственныхъ задачъ. Мы разумѣемъ полемику Страхова о спиритизмѣ. Страховъ указалъ, что рационализмъ никогда не можетъ найти въ самомъ себѣ удовлетворенія, такъ какъ, очевидно, человѣческій духъ не можетъ всецѣло исчерпать себя въ одномъ какомъ нибудь изъ жизненныхъ элементовъ; и вотъ современное естествознаніе отважилось ступить на новый путь—научнаго, опытнаго проникновенія въ область сверхчувственного, сверхопытнаго. Въ стукахъ и движеніяхъ тѣлъ естествоиспытатели пытались наблюдать проявленія духа и такимъ образомъ и его ввести въ число предметовъ эмпирическаго изученія. Эта погоня естествознанія за блудящими огнями дѣйствительно съ удивительной ясностью обличаетъ и его безсиліе удовлетворить всѣ запросы духа и неспособность подняться надъ однажды усвоенной эмпирической точкой зрѣнія. Въ своихъ результатахъ спиритизмъ поэтому и долженъ былъ явиться отрицаніемъ науки, тѣхъ ея «вѣчныхъ истинъ», то-есть основныхъ положеній чисто формальнаго свойства, которыя исчерпываютъ всю полноту изучаемыхъ ею явленій, но, очевидно, не могутъ простираться на явленія, не входящія въ категорію ея предметовъ, въ родѣ, напирѣмъ, математическихъ положеній, какъ $2 \times 2 = 4$, или физическаго закона сохраненія энергіи, или закона инерціи. Эта полемика составляетъ содержаніе особой книги, которая такъ и озаглавлена. «О вѣчныхъ истинахъ».

Для полноты очерка надо упомянуть, что Страховъ посвятилъ цѣлый рядъ статей опроверженію дарвинизма въ связи съ разборъ превосходной критики дарвинизма Н. Я. Данилевскимъ; но сущность отношенія Страхова къ дарвиновскому эпигенезису нами уже намѣчена нѣсколько выше, и потому едва ли нуженъ подробный разборъ этихъ статей, разбросанныхъ по разнымъ произведеніямъ Страхова, но главнымъ образомъ сосредоточенныхъ въ его «Борьбѣ съ Западомъ».

IV.

Почти одновременно съ знакомствомъ съ Григорьевымъ состоялось другое знакомство, игравшее еще большую роль въ жизни Страхова, а именно съ братьями Достоевскими, Федоромъ и Михайломъ Михайловичами ¹⁾. «Въ журналистику я вступилъ»,—писалъ Страховъ,—«съ нѣкоторымъ равнодушіемъ и даже лѣнью ²⁾»; однако же знакомство мое съ Ф. М. Достоевскимъ началось именно на журнальномъ поприщѣ ³⁾. Въ концѣ 1859 г. сослуживецъ Страхова и сотрудникъ по журналу «Свѣточъ» А. П. Милуковъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ одну большую статью Страхова и пригласилъ его на свои вторники. «Съ перваго вторника, когда я явился въ этотъ кружокъ, я считалъ себя какъ будто принятымъ наконецъ въ общество настоящихъ литераторовъ и очень всѣмъ интересовался. Главными гостями оказались Ф. М. и М. М. Достоевскіе, давнишніе друзья хозяина. Кромѣ нихъ, часто являлись А. Н. Майковъ, Вс. Вл. Крестовскій, Д. Д. Минаевъ, д-ръ С. Д. Яновскій, А. А. Чумиковъ, В. Д. Яковлевъ и другіе. Разговоры въ кружкѣ занимали меня чрезвычайно. Это была новая школа, которую мнѣ довелось пройти, школа, во многомъ расходившаяся съ тѣми мнѣніями и вкусами, которые у меня сложились. До того времени я жилъ тоже въ кружкѣ, но въ своемъ, не публичномъ и литературномъ, а совершенно частномъ, состоявшемъ изъ людей моложе меня возрастомъ. Назову изъ живыхъ Д. В. Аверкіева, изъ покойныхъ М. П. Покровскаго, Н. Н. Воскобойникова, В. И. Ильина, И. Г. Долгомостьева, Ф. И. Дозе. Тутъ господствовало большое поклоненіе наукѣ, поэзіи, музыкѣ, Пушкину, Глинкѣ; настроеніе было очень серьезное и хорошее. И тутъ сложились взгляды, съ которыми я вступилъ въ чисто литературный кружокъ. Въ то время я занимался зоологіею и философіею, и потому, разумѣется, прилежно слѣдилъ за нѣмцами, въ нихъ

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе ведется на основаніи «Воспоминаній о Ф. М. Достоевскомъ», напечатанныхъ въ I томѣ перваго посмертнаго изданія его сочиненій, на которыя самъ Страховъ ссылался, какъ на самый лучший источникъ біографическихъ свѣдѣній о немъ самомъ.

²⁾ «Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ», стр. 205.

³⁾ Тамъ же, стр. 171.

видѣлъ вождей просвѣщенія¹⁾). Что касается до взглядовъ на искусство, то я держался обыкновенной нѣмецкой теоріи свободы художника, той теоріи, которая сложилась въ нѣмецкой философіи, проникла къ намъ еще при жизни Пушкина и которой много обязана наша литература²⁾). Направленіе же литературнаго кружка сложилось подѣ вліяніемъ французской литературы; политическіе и социальные вопросы были тутъ на первомъ планѣ и поглощали чисто художественные интересы. Художникъ по этому взгляду долженъ слѣдить за развитіемъ общества и приводить къ сознанію нарождающееся въ немъ добро и зло, быть поэтому наставникомъ, обличителемъ, руководителемъ; такимъ образомъ почти прямо заявлялось, что вѣчные и общіе интересы должны быть подчинены временнымъ и частнымъ»³⁾). Философскіе же и научные интересы повидимому отступали совершенно на второй планъ, не находясь, по самой природѣ своей, въ прямой непосредственной связи съ явленіями общественной жизни. Близость съ этимъ кружкомъ, преимущественно съ братьями Достоевскими, главнымъ образомъ и вывела Страхова на журнальный путь. «Хотя я имѣлъ уже маленькій успѣхъ въ литературѣ, — пишеть онъ, — и обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе М. Н. Каткова и А. А. Григорьева, все-таки я долженъ сказать, что больше всего обязанъ въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскому, который съ тѣхъ поръ отличалъ меня, постоянно одобрялъ и поддерживалъ, и усерднѣе, чѣмъ кто нибудь, до конца стоялъ за достоинства моихъ писаній»⁴⁾). Достоевскіе тогда затѣвали изданіе «толстаго» ежемѣсячнаго журнала «Время» и пригласили Страхова въ сотрудники. Предложеніе было принято, и тогда передъ сравнительно недавно вступившимъ въ литературу писателемъ немедленно открылась возможность широкаго журнальнаго вліянія въ качествѣ одного изъ ближайшихъ членовъ редакціи журнала, сразу имѣвшаго быстрый и прочный успѣхъ. Увлеченіе новымъ родомъ занятій было такъ сильно, что Страховъ, находя въ нихъ также и значительную матеріальную поддержку, рѣшилъ прекратить свою педагогическую дѣятельность и въ 1861 г. вышелъ въ отставку, а лѣтомъ 1862 г. предпринялъ даже на свои скромныя сбереженія заграничное путешествіе, половину котораго совершилъ съ Ѳ. М. Достоевскимъ. Поѣздка шла черезъ Берлинъ и Дрезденъ въ Женеву, Люцернъ, затѣмъ черезъ Мюнхенъ и Туринъ въ Геную, Ливорно, Флоренцію, вновь черезъ Геную и Марсель въ Парижъ и обратно. Однако этотъ жизненный успѣхъ оказался непрочнымъ и крайне недолговѣчнымъ: уже въ слѣдующемъ 1863 г. надъ журналомъ «Время» разразилась бѣда, невольной причиной которой оказался самъ Стра-

1) Тамъ же, стр. 171—172.

2) Тамъ же, стр. 174.

3) Тамъ же, стр. 172.

4) Тамъ же, стр. 277.

ховъ. Въ началѣ января этого года, какъ извѣстно, вспыхнуло польское возстаніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ между прочимъ очень рѣзкій переломъ общественнаго настроенія отъ либерализма къ горячему подъему патріотическихъ чувствъ. Московская журналистика стала во главѣ новаго движенія; петербургская же наоборотъ отвѣчала ему почти всеобщимъ молчаніемъ, отчасти вынужденнымъ, отчасти тенденціознымъ, и ограничивалась сухими и блѣдными корреспонденціями. Это молчаніе чрезвычайно раздражало патріотически настроенную часть общества, и потому, когда въ апрѣльской книжкѣ «Времени» появилась статья Страхова о польскомъ дѣлѣ подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ» и за подписью «Русскій», это настроеніе выразилось очень рѣзко: въ статьѣ усмотрѣли полонофильское направленіе, дѣло доведено было до свѣдѣнія государя, и журналъ былъ закрытъ, не смотря на всевозможныя хлопоты и разъясненія, которыхъ единственнымъ послѣдствіемъ было развѣ только то, что Достоевскимъ черезъ семь мѣсяцевъ было вновь разрѣшено изданіе журнала подъ названіемъ «Эпоха», начинавшаго выходить при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ съ апрѣля 1864 г. двойною книжкою—за январь и февраль. Журналъ пошелъ плохо, былъ встрѣченъ непріязненно всюю литературой, выходилъ неисправно и въ концѣ концовъ прекратился послѣ февральской книжки 1865 года. Но эти прекращенія двухъ журналовъ застали Страхова настолько привязавшимся къ литературнымъ занятіямъ, что онъ не могъ сразу рѣшиться перемѣнить ихъ на какія нибудь другія. «Послѣ прекращенія «Эпохи» я попалъ, — пишетъ онъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ»,—на «подножный кормъ»—такъ я называлъ времена, когда жилъ переводами». Этотъ чернорабочій литературный промыселъ, какъ извѣстно, и труденъ и неблагодаренъ; жить переводами можно только при самой усиленной работѣ. Такъ и въ это время Страховъ работалъ, какъ волъ, а между тѣмъ едва-едва перебивался, хотя самый трудъ былъ ему привыченъ: онъ уже и раньше работалъ надъ переводомъ «Исторіи новой философіи» Куно Фишера. Такъ какъ, кромѣ того, Страховъ и впослѣдствіи занимался переводами, то мы находимъ всего умѣстнѣе здѣсь же охарактеризовать всю его дѣятельность, какъ переводчика.

Результаты этой дѣятельности весьма не равны достоинствомъ. Во главѣ всѣхъ переводовъ Страхова долженъ быть поставленъ позднѣйшій изъ нихъ по времени—переводы отрывковъ изъ воспоминаній Ренана («Souvenirs d'enfance et de jeunesse»), появившіеся въ «Русскомъ Обозрѣніи» и отдѣльно не переизданные. Къ этимъ переводамъ вполне приложимы требованія художественной критики, и даже передъ самымъ строгимъ ея судомъ они превосходны. Съ такимъ же совершенствомъ, хотя не подлежа художественной критикѣ по свойству своего содержанія, исполнены и тѣ изъ прочихъ его переводовъ, которые бывали предприняты на досугъ и притомъ

по собственному выбору переводчика, то-есть исключительно изъ любви къ переводимому оригиналу; наоборотъ, никакими достоинствами не отличаются переводы, сдѣланные наскоро, на заказъ, по выбору не такого издателя, какимъ былъ Тибленъ, а, на примѣръ, Вольфа или апраксинскаго книжника Ваганова; эти послѣдніе грѣшатъ нерѣдко большими недостатками, объяснимыми только спѣшностью срочной работы. Переводы первой категоріи и по выбору и по выполненію составляютъ истинную заслугу Страхова предъ нашей философской и научной литературой; къ ихъ числу принадлежатъ: «Исторія новой философіи» Куно Фишера, въ четырехъ томахъ; эта книга давно распродана, и тѣмъ не менѣе на нее существуетъ огромный спросъ; «Беконъ Веруламскій» Куно Фишера; это изданіе также распродано, хотя въ настоящее время уже устарѣло, ибо авторъ выпустилъ свою книгу вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ; «Объ умѣ и познаніи» Тена — не такъ давно вышло второе, исправленное по послѣдней редакціи подлинника, изданіе этой книги; «Исторія матеріализма» Ланге — сполна распроданная, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не переизданная книга; «Введеніе къ изученію опытной медицины» Клода Бернара — также распроданный и, не смотря на огромный спросъ, не повторенный переводъ; наконецъ, «Жизнь птицъ» Брема. Ко второй категоріи относятся слѣдующіе переводы ¹⁾: Швантъ—«Анатомія человѣка»; Бремъ и Росмесслеръ—«Жизнь животныхъ»; «Чудеса древней страны пирамидъ»; Фигье—«Свѣтила науки» (1-й томъ); Тьерселенъ—«Записки китолова»; Бертрантъ—«Перевороты»; Ливингстонъ—«Путешествіе по Замбези» (2 тома); Смайлъ—«Характеръ»; Францъ—«Физиологія государства»; Гонергеръ—«Исторія культуры». Кромѣ всѣхъ этихъ переводовъ, былъ сдѣланъ еще одинъ, уничтоженный цензурой,—переводъ книги Штраусса о Вольтерѣ.

Въ 1867 году Страхову удалось, наконецъ, вернуться къ журнальной дѣятельности: Краевскій пригласилъ его по смерти Дудышкина редактировать «Отечественныя Записки». Но новому редактору не удалось поднять падавшій журналъ, и въ 1868 году Краевскій, оставаясь номинальнымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», отдалъ ихъ Некрасову. Между тѣмъ Страховъ получилъ мѣсто помощника редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», хотя и тутъ оставался недолго: въ 1869 году В. В. Кашипиревъ основалъ журналъ «Заря», въ которомъ Страховъ былъ два года редакторомъ и за все время существованія журнала главнымъ руководителемъ. Но и «Заря» не имѣла успѣха и въ 1872 году прекратилась. вмѣстѣ съ нею прекратилась и непосредственная журнальная дѣятельность Страхова, такъ какъ редактированіе имъ вно-

¹⁾ Списокъ этотъ, за безусловную полноту котораго мы не ручаемся, сообщенъ самимъ покойнымъ Н. Н. Страховымъ.

слѣдствіи «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» явилось дѣломъ вполне случайнымъ и было весьма непродолжительно. «Я увидѣлъ,—писалъ онъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ»,—что работать мнѣ негдѣ. «Русскій Вѣстникъ» былъ единственнымъ мѣстомъ, но деспотическій произволъ Каткова былъ для меня невыносимъ. Я рѣшился поступить на службу и съ августа 1873 года принялъ мѣсто бібліотекаря Публичной бібліотеки по юридическому отдѣленію». Сверхъ того, съ 1874 года и до смерти онъ состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, въ роли публициста Страховъ оказался такимъ же неудачникомъ, какъ и въ роли ученаго. Внѣшній, формальный, успѣхъ вообще не былъ данъ ему въ жизни; но онъ имъ мало дорожилъ, и тѣ бѣдствія, которыя доводятъ другія натуры до озлобленія и отчаянія, его только «огорчали», да и то не надолго. Онъ такъ мало требовалъ отъ жизни ея внѣшнихъ благъ, что вполне довольствовался ихъ наименьшими размѣрами. Никогда онъ не ропталъ, никогда не раздражался, даже никогда не жаловался на постигшія его невзгоды. Личныя отношенія никогда не играли никакой роли въ его сужденіяхъ, а скорѣе, наоборотъ, его умственные симпатіи и антипатіи обусловливали его личныя отношенія. Главными привязанностями въ его жизни была его, можно сказать, нѣжная любовь къ Григорьеву, Достоевскому, Данилевскому, графу Л. Н. Толстому и Фету, то-есть именно къ тѣмъ писателямъ, которыхъ онъ наиболѣе высоко ставилъ среди своихъ современниковъ. Наоборотъ, въ его антипатіяхъ никогда не было ничего личнаго. Смѣло можно сказать, что при всякихъ обстоятельствахъ онъ придавалъ бы именно то же значеніе произведеніямъ Салтыкова, Некрасова, Писарева, Михайловскаго, Соловьева, Минаева и другихъ; какое придавалъ имъ подъ градомъ издѣвательствъ и даже надругательствъ надъ нимъ съ ихъ стороны. Отношеніе брезгливаго презрѣнія или даже почти равнодушнаго подтруниванья возбуждалось въ немъ именно литературными качествами произведеній этихъ писателей и никогда не измѣнялось въ пристрастное озлобленіе, не смотря ни на какія печатныя и даже непечатныя выходки на его счетъ. Нѣсколько рѣзкихъ порицаній, вырвавшихся у него главнымъ образомъ по адресу Салтыкова, нисколько не носятъ личнаго характера, особенно если сравнить ихъ краткость и немногочисленность съ тѣми потоками ругани и оскорбленій, которые направлялись его противниками на его незапятнанное имя. Стоическій характеръ Страхова, его умѣнье въ области идей быть выше всякихъ личныхъ отношеній, внушили подъ конецъ даже его клеветникамъ сознание, что имя Страхова должно произноситься съ уваженіемъ, и что его незапятнанно чистая дѣятельность обезоруживаетъ всякія клеветы и даже осужденія, обращая ихъ цѣлкомъ на головы тѣхъ, отъ кого онъ исходятъ.

Но что же представлялъ изъ себя Страховъ, какъ публицистъ? Вопросъ необычайно сложный и обширный, котораго настоящая статья можетъ коснуться лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, скорѣе намѣчая, нежели исчерпывая его во всей полнотѣ. По собственному сознанію Страховъ пришелъ къ журнальной дѣятельности случайно и вступилъ на ея арену весьма неохотно, по свойственному всѣмъ молодымъ ученымъ складу мыслей свысока пренебрегая журналистикой. Если онъ позже и увлекся ею, то это вполне объяснимо упомянутой выше «потребностью въ аудиторіи», присущей каждому, хоть отчасти знакомому съ психологіей научныхъ занятій. Удерживала же его на журнальномъ пути чисто денежная необходимость и невозможность иначе устроиться. Какъ-то разъ бесѣдуя съ нимъ, пишущій эти строки жаловался Страхову, что необходимость заставляетъ писать и тратить время, которое такъ хотѣлось бы посвятить на то, чтобы самому учиться, самому восполнять свое образованіе, себѣ самому выяснять свои внутренніе вопросы, на то, чтобы возвѣщать другимъ съ крышъ и минаретовъ о томъ, что для себя самого и рѣшено и ясно. Въ возникшемъ по этому поводу разговорѣ Страховъ между прочимъ съ улыбкой замѣтилъ, что вѣдь «въ этомъ, если хотите, и вся трагедія всей моей жизни». Теперь, окидывая однимъ взглядомъ всю его дѣятельность, невольно чувствуешь всю глубокую и горькую правду этихъ спокойно и даже шутливо сказанныхъ словъ. Истинное призваніе Страхова всегда была критика, руководимая не тѣми или иными внѣ его лежащими запросами общественной жизни, а исключительно внутренней, метафизической потребностью ума въ знаніи и размысленіи. «Съ самаго дѣтства,— писалъ онъ,— у меня была любовь къ книгамъ, и знаменитыя имена писателей, ученыхъ и философовъ возбуждали во мнѣ благоговѣніе и желаніе познакомиться съ ихъ произведеніями. Тутъ было что-то невольное, какъ бы прирожденное; мнѣ и тогда и потомъ почти не случалось встрѣчать людей, у которыхъ эти чувства господствовали бы въ такой мѣрѣ, какъ у меня. Царство ума, новыя и древнія созданія мысли и творчества являлись мнѣ съ дѣтства, какъ далекое небо, обступившее меня со всѣхъ сторонъ и усѣянное прекрасными свѣтилами. Хорошая черта этой идеализаціи состояла въ томъ любопытствѣ, которое постоянно влекло меня ближе познакомиться съ этими свѣтилами; дурная черта въ томъ, что вниманіе разсѣивалось, и что увѣренность въ своихъ мысляхъ и чувствахъ росла слишкомъ медленно подъ давленіемъ авторитетовъ. Представьте себѣ настроеніе, когда человѣкъ заранѣе увѣренъ, что область истины отъ него далека и трудно ему доступна, но что эта область несомнѣнно существуетъ, богатая и прекрасная, созданная усиліями многихъ вѣковъ и народовъ: узнать эти сокровища, найденныя другими,—вогъ что ему нужно сдѣлать, и это важнѣе, чѣмъ пытаться самому рѣшать вопросы, самому подыматься

на высшую точку умозрѣнія. Что значитъ отдѣльное лицо въ сравненіи со всей исторіей ума человѣческаго? Глубочайшія истины, конечно, искони были доступны людямъ высокихъ душевныхъ силъ, какъ объ этомъ говоритъ Гёте:

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden;
Das alte Wahre, fass es an!

«Съ такими и подобными мыслями пустился я въ то плаваніе по морю книгъ, которое началъ съ отрочества и продолжаю до сихъ поръ. Царство книгъ дѣйствительно можетъ быть названо моремъ—такъ оно необозримо, такъ много въ немъ однообразныхъ пространствъ, и такія дива можно въ немъ найти, или скрытыя въ глубинѣ, или вылающіяся надъ уровнемъ, какъ острова и скалы, давно всѣмъ извѣстныя, по крайней мѣрѣ, по слуху¹⁾».

Легко, разумѣется, убѣдиться, что люди, проникнутые такими настроеніями, не рождены для практической жизни. Въ ней они или терпятъ полную неудачу, или проходятъ безслѣдно и бесполезно. Ихъ область—книги, чистое мышленіе, а не живая, непосредственная дѣятельность. Но дѣло въ томъ, что выбирать въ жизни не легко, и что чистое умозрѣніе жизнь оставляетъ только тѣмъ, кто не связанъ никакими нуждами, работами и неудачами. Страховъ былъ связанъ своей бѣдностью и тяжелыми жизненными условіями и на борьбу съ ними затрачивалъ тѣ силы, которыя природой были предназначены для болѣе высокаго и значительнаго приложенія. Профессуры добиться ему не удалось; преподаватель онъ былъ, по свидѣтельству его учениковъ, очень плохой—сбивчивый, отвлеченный и сухой; наконецъ, и публицистомъ онъ выпелъ неудачнымъ, такъ какъ не обладалъ ни однимъ свойствомъ, необходимымъ для этого ремесла. Публицистъ, въ сущности говоря, тотъ же педагогъ, только бѣгунцій съ азбукой и указкой за текущими явленіями окружающей его дѣйствительности. Онъ ничего новаго не говоритъ, а отвѣчаетъ лишь то, о чемъ спрашиваютъ событія. Онъ вѣчно твердитъ зады, вѣчно возобновляетъ въ памяти міра азбуку, которая такъ легко забывается. Онъ—толкователь всей обыденной жизни до послѣднихъ ея мелочей, и нерѣдко въ нихъ-то для него лежитъ самое главное, центръ тяжести его значенія. Публицистъ—суфлеръ улицы, площади, театра, собранія, семьи, общества, власти; онъ долженъ быть вездѣ, гдѣ забывчивый человѣкъ теряется мыслями. Онъ вѣчно долженъ всѣмъ отвѣчать на вопросъ: что же намъ дѣлать, что думать, какъ держаться? Онъ долженъ предугадывать этотъ вопросъ, предрѣшать всѣ сужденія. Всегда готовый къ спору и неожиданности, всегда бѣгунцій за событіями, подхва-

¹⁾ Изъ незаданной статьи «Воспоминанія о ходѣ философской литературы».

тывающій всѣ комбинаціи калейдоскопа общественныхъ явленій, раздробляющій свое вниманіе на миллионы интересовъ, онъ, очевидно, человѣкъ, болѣе всего на свѣтѣ чуждый и даже враждебный эстетичности, цѣльности, стройности, единству. Но въ то же время публицистъ (мы все время подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ журналиста) долженъ держаться, какъ и педагогъ, опредѣленныхъ и точныхъ началъ, учить непремѣнно по одному учебнику. Онъ долженъ быть догматикомъ, человѣкомъ съ законченной, несокрушимой скрижалью, держащимъ яркій рефлекторъ и имъ наводящимъ лучи своего исповѣданія на каждую темную точку окружающей жизни. Потому онъ долженъ быть, во-первыхъ, проповѣдникомъ опредѣленнаго, положительнаго ученія, а, во-вторыхъ, проповѣдникомъ безконечно быстрымъ, отзывчивымъ и разнообразнымъ. Его мысли должны быть коротки, просты, подвижны и всепроникающіи, какъ инфузоріи, хотя бы то были заразные бактеріи. Свои широкія идеи онъ долженъ умѣть такъ раздробить о плоскую дѣйствительность, чтобы всюду разлетѣлись брызгами его категоричныя и простыя разъясненія. Сомнѣніе журналисту непозволительно; толпа не поставитъ ему въ упрекъ молчанія, не поставитъ въ упрекъ даже наглой насмѣлки надъ тѣмъ, что выше его пониманія, но не проститъ колебаній. Непозволительно журналисту и самостоятельность въ ходѣ и смѣнѣ интересовъ; журналистъ, задавшійся высшими вопросами, живущій хотя бы геніально глубокой внутренней жизнью, потонетъ въ общемъ равнодушіи, не найдетъ себѣ читателей. Эта необходимость всегда имѣть готовое мнѣніе и порождаетъ отвратительнѣйшее явленіе нашего вѣка—скептическую печать. Газеты вездѣ и всегда скептически, подозрительны, вездѣ склонны видѣть личность, недобросовѣстность; сплетня, глумленіе, невѣжественное всезнайство и самый низменный скептицизмъ вотъ—непремѣнный духъ газетной печати, ежедневно прививаемый толпѣ миллиардами печатныхъ листовъ. Имъ отравлена вся грамотная, а за ней и неграмотная часть человѣчества. Работа ума, самостоятельность мысли становятся все больше ненужны; газетный листъ даетъ сужденія по всѣмъ предметамъ и несокрушимую увѣренность въ этихъ готовыхъ сужденіяхъ. Еще историки не успѣли взвѣсить, въ какой степени воинственно-самодовольное невѣжество нашего вѣка порождено развитіемъ газетной литературы; еще человѣчество само не успѣло себѣ уяснить источниковъ и значенія этого площаднаго скептицизма. Публицистика въ ея рѣзкихъ формахъ собственно только что народившееся явленіе. Власть еще не знаетъ, какъ съ нею быть, какъ на нее вліять, какъ ею править, и потому въ нерѣшительности придерживается въ области печатнаго слова экономическаго принципа невмѣшательства; руководители же духовной жизни человѣчества, умы, отворачиваются отъ лавочнаго руководства толпою.

Менѣе всего соответствовалъ такой дѣятельности пытливый умъ

и строгій складъ настроеній Страхова. Эстетикъ и критикъ, жаждущій познанія, онъ въ жизнь вступилъ и всю ее прошелъ ученикомъ, а не учителемъ, изслѣдователемъ, а не проповѣдникомъ. Ни педагогомъ, ни публицистомъ онъ не могъ быть, не противорѣча самъ себѣ, да никогда бы и не былъ безъ угнетающей къ тому необходимости. Мало того, для публицистической дѣятельности онъ не обладалъ не только надлежащимъ характеромъ, но и подготовкой. Юридическаго образованія онъ не получилъ и хотя не былъ безусловно чуждъ политическимъ и общественнымъ наукамъ, тѣмъ не менѣе невольно разсматривалъ явленія правовой и государственной жизни, такъ сказать, извнѣ, съ точки зрѣнія общей словесности, а не подъ угломъ воззрѣній современнаго правовѣдѣнія. Кромѣ того, его образованіе и развитіе шли въ уединеніи, вдали отъ всякихъ общественныхъ интересовъ и волненій. Онъ былъ, конечно, глубокимъ патриотомъ; но его патриотизмъ не былъ предначертаніемъ общественной дѣятельности, непосредственнымъ творческимъ порывомъ; онъ былъ скорѣе его личнымъ настроеніемъ, естественнымъ, природнымъ чувствомъ, всегда готовымъ къ заслуженному восторгу и благоговѣнію, но не къ борьбѣ и дѣйствіямъ. Его патриотизмъ былъ именно созерцательный, эстетическій, критическій. Онъ страдалъ отъ бѣдствій своей родины, осуждалъ темныя въ ней событія, восхищался ея славой и достоинствами, но дальше не шелъ. Онъ созерцалъ жизнь и искалъ, чѣмъ бы въ ней восхититься, предъ кѣмъ бы преклониться; но самъ не выходилъ на ея арену иначе, какъ критикомъ. Онъ искалъ, такъ сказать, положительныхъ заблужденій, извращеній «какъ цѣлаго» и, по своей потребности высказаться, выступалъ съ критикой этихъ извращеній и заблужденій. Очевидно, это роль ничуть не публицистическая, такъ какъ отъ публициста требуютъ не эстетической или философской критики, ограничивающейся разборомъ только своего предмета, но ждуть положительныхъ приговоровъ и сужденій, а главное — практическихъ выводовъ и указаній. Ихъ Страховъ давать не могъ по самому свойству своей натуры, и потому его публицистическія произведенія или проходили совершенно незамѣченными, или даже по какому-то роковому недоразумѣнію возбуждали неудовольствіе и негодованіе какъ разъ со стороны тѣхъ, чѣмъ воззрѣніямъ въ сущности вполне отвѣчали своимъ содержаніемъ, подобно, на примѣръ, превосходной по глубинѣ замысла статьѣ «Роковой вопросъ». Равнымъ образомъ не имѣла ни успѣха, ни убѣдительности его поражающая глубиною, тонкостію и остроуміемъ журнальная полемика, такъ какъ она являлась именно критикой публицистики и ея приѣмовъ — дѣломъ бесполезнымъ и болѣе, чѣмъ неблагоприятнымъ. Его статьи только возбуждали противъ него ненависть всей періодической печати, и та съ своей стороны дѣлала все возможное, чтобы отбить у читателей охоту читать Страхова, выслушивать его мнѣнія. Къ Стра-

хову долго примѣнялся большинствомъ газетъ и журналовъ постыдный и низкій пріемъ высмѣиванія пополамъ съ замалчиваніемъ, который, напримѣръ, въ настоящее время широко примѣняется съ такимъ огромнымъ успѣхомъ къ князю Мещерскому, къ которому упорно не желаютъ относиться серьезно, какъ того требовало бы его значеніе безспорно даровитаго и убѣжденнаго представителя нѣкоторыхъ опредѣленныхъ и точныхъ воззрѣній (правильныхъ или неправильныхъ—это вопросъ совершенно особый). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ оговориться, что собственно публицистическія статьи занимаютъ очень скромное мѣсто среди прочихъ произведеній Страхова, преимущественно посвященныхъ литературной критикѣ, хотя и въ этой послѣдней въ свою очередь нерѣдко очень ясно просвѣчиваетъ публицистическій элементъ, который, какъ легко угадать, всегда имѣлъ очень широкій, гораздо больше философски литературный, нежели строго политическій характеръ. Такъ какъ вообще Страховъ выяснялъ свои идеалы гораздо больше критикой несоответствующихъ имъ воззрѣній, нежели положительными формулировками, то и въ области публицистики ихъ характеристика должна быть посвящена главнымъ образомъ анализу этихъ воззрѣній. Притомъ такой анализъ тѣмъ болѣе необходимъ въ этой области, что въ ней Страховъ гораздо больше руководился общими, отвлеченными идеями, чѣмъ точнымъ знаніемъ и потому, хотя его симпатіи и антипатіи и были неукоснительно правильны, но самая критика не имѣла той убѣдительности и силы, которыя свойственны ей на другихъ поприщахъ.

Политическія науки и все вообще правовѣдѣніе раздѣлили въ истекающемъ столѣтіи судьбу наукъ естественныхъ и пришли въ упадокъ, проявляющій самое разительное сходство съ современнымъ внутреннимъ упадкомъ естественныхъ наукъ наряду съ ихъ внѣшнимъ успѣхомъ и процвѣтаніемъ. Великій расколъ въ царствѣ науки, разрывъ знанія съ умозрѣніемъ, простерся и на правовѣдѣніе. Школа естественнаго права исчезла изъ всей его области и юристы остались безъ философіи, то-есть безъ теоріи права. Юриспруденція, какъ и естествознаніе, вся цѣликомъ обратилась къ изученію положительныхъ обычаевъ и законодательствъ. Основныя начала, исходныя понятія были устранены изъ науки, и какъ естественники отъ познанія сущностей перешли къ изученію формъ явленій, то-есть стали на точку зрѣнія голаго матеріализма, такъ и юристы признали основой своей науки исключительно формы людскихъ отношеній. Какъ всѣ современныя естественныя науки были сведены на механику атомовъ, изъ которой стремились построить и физику, и химію, и физиологію, и психологію, такъ правовѣдѣніе превратилось въ механику индивидуумовъ, которая должна была произвести изъ себя ученія о собственности, семьѣ, родѣ, общинѣ, государствѣ. Тѣла и жизнь исчезли, остались атомы и силы;

исчезли люди, союзы, семья, государство, остались отвлеченные индивидуумы, права и, такъ сказать, зоологія государствъ—псевдонаука социологія. Космополитизмъ, безразличный къ исторіи, государству, народу, воцарился въ области политическихъ наукъ, и живыя формы дѣйствительности исчезали, раздробляясь на права и лица, лица и права. Это механическое правовѣдѣніе, само на себѣ стоящее и само изъ себя идущее, повело къ тѣмъ же уродливостямъ, что и механическое естествознаніе: въ немъ породился свой матеріализмъ, ученіе о единомъ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ лицъ и всѣхъ правъ. Исторія превратилась, подобно канто-ланласовской исторіи неба, въ механическое сосредоточеніе атомовъ и ихъ постепенное объединеніе въ одно случайное цѣлое—человѣчество, и была названа эволюціей, а самое ея движеніе, насильственно подгоняемое подъ это воззрѣніе, окрещено прогрессомъ. Роль человѣка свелась къ самодовольному существованію, къ борьбѣ за право, самоцѣльной и всеисчерпывающей, непремѣннымъ результатомъ которой обѣщались всеобщее единство и всечеловѣческое блаженство. Наконецъ, какъ спиритизмъ въ естествознаніи, то-есть какъ исканіе выхода изъ себя самого и своими средствами этой голой, безотрадной механики, этого голаго матеріализма правовѣдѣнія, возникъ современный анархизмъ—чудовищный политическій спиритизмъ, стремящійся подчинить узкимъ и тѣснымъ правовымъ понятіямъ всѣ явленія живой общественной жизни, и этимъ стремленіемъ приводимый къ полному, безусловному отрицанію и этихъ явленій, и этой жизни, и самыхъ тѣхъ началъ, изъ которыхъ онъ самъ исходитъ. Этотъ анархизмъ на западной почвѣ наиболѣе рѣзко воплотился въ неистовой парижской коммунѣ 1870 г., а на почвѣ русской—въ нигилистическомъ броженіи вплоть до чудовищной катастрофы 1 марта 1881 г. Именно этимъ двумъ отвратительнымъ событіямъ посвящены двѣ крупныя статьи Страхова, отпечатанныя въ двухъ первыхъ книгахъ «Борьбы съ Западомъ». Въ обѣихъ статьяхъ, горячихъ, увлекательныхъ и живыхъ, Страховъ старался выяснитъ самыя причины, самый корень зла, подвергая самому внимательному и всестороннему разбору вопросъ, въ чемъ жизненная сила, увлекательность анархизма. Вопросъ, безспорно, глубокій и важный; но едва ли правильна его постановка. Страховъ искалъ философскихъ и этическихъ основъ нигилизма, упуская изъ вида главное—его основанія политическія. Отъ того для него, какъ и для всѣхъ его современниковъ, даже для первыхъ между ними, Достоевскаго и графа Л. Н. Толстого, нигилизмъ оставался въ сущности лишь великой этической загадкой, безразсуднымъ проявленіемъ непомерной гордости ума человѣческаго. Сверхъ того, нигилизму же Страховъ посвятилъ цѣлую особую книгу подъ заглавіемъ «Изъ исторіи литературнаго нигилизма», составляющую сборникъ полемическихъ его статей и замѣтокъ, появлявшихся во «Времени» и «Эпохѣ». Въ этихъ статьяхъ вопросъ взятъ нѣсколько

съ иной стороны и притомъ разобранъ очень интересно: Страховъ анализируетъ въ нихъ, по его словамъ, огромные размѣры, въ которыхъ у насъ въ 60-хъ годахъ обнаружилась пустота и зыбкость умовъ, бывшія почвой, «на которой выросло столько чудовищныхъ мнѣній и чудовищныхъ дѣйствій». Эти статьи, представляющія изъ себя истинные перлы полемическаго остроумія, блистательно обнаруживаютъ, опять таки совершенно аналогично съ произведеніями Достоевскаго, Писемскаго и Лѣскова, дѣйствительную подкладку успѣховъ нигилизма въ Россіи — отсутствіе истиннаго просвѣщенія въ связи съ величайшей воспримчивостью общества ко всякимъ новизнамъ и податливостью на авторитеты. Вторымъ глубоко антипатичнымъ Страху въ воззрѣніи былъ современный космополитизмъ, проявлялся ли онъ въ отрицаніи народности вообще, или въ отрицаніи національнаго характера государства, то-есть въ проповѣди нетерпимости окраинъ и инородцевъ къ терпимому государству. Страховъ былъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ націоналистомъ въ политикѣ, примыкая по многимъ пунктамъ къ воззрѣніямъ Н. Я. Данилевскаго и даже къ славянофиламъ славянскаго благотворительнаго общества, то-есть, такъ сказать, старовѣрамъ славянофильства, вдавшимся въ самую прискорбную крайность сравнительно съ создателями этого направленія, «старыми» славянофилами, — Хомяковымъ и Кирѣевскимъ. Впрочемъ, эту часть воззрѣній Страбова мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ въ его статьяхъ она никогда не выражалась съ полной опредѣленностью, а, кромѣ того, въ частныхъ разговорахъ онъ очень ясно высказывалъ, что въ его взглядахъ на балканскихъ и западныхъ славянъ произошелъ такой же рѣзкій переломъ, какъ тотъ, который сказался въ надѣлавшей столько нума прошлогодней рѣчи В. И. Ламанскаго въ собраніи славянскаго благотворительнаго общества.

Выяснивъ все изложенное, возможно приступить къ анализу важнѣйшей публицистической идеи Страбова—къ его «борьбѣ съ Западомъ», которую онъ самъ склоненъ былъ считать главнымъ дѣломъ всей своей жизни. Уже неоднократно было указано, какъ самимъ Страховымъ, такъ и другими, что слова «борьба съ западомъ» было бы крайне ошибочно понимать въ ихъ буквальномъ смыслѣ, и что они только намекаютъ на главную задачу его книги—критику современныхъ умственныхъ авторитетовъ запада, пріобрѣтшихъ наиболѣе сильное вліяніе у насъ, причемъ это вліяніе было даже сильнѣе и вреднѣе, чѣмъ на Западѣ, въ силу низкаго уровня просвѣщенія нашего общества, менѣе, чѣмъ какое либо другое, способнаго дать отпоръ обаянію модныхъ и громкихъ на Западѣ именъ. Эти авторитеты—Милль, Ренанъ, Тенъ и Штрауссъ. Во главѣ разборовъ ихъ произведеній помѣщенъ удивительно глубоко и проникательно написанный обзоръ воззрѣній Герцена, котораго Страховъ впервые выставилъ въ истинномъ свѣтѣ русскому обществу,

т. е. какъ разочарованнаго въ Западѣ западника. Во многихъ отношеніяхъ Герценъ и Страховъ представляются чрезвычайно любопытными противоположностями, и ихъ параллельная характеристика могла бы дать драгоцѣнные выводы для пониманія каждаго изъ нихъ. Изъ контрастовъ двухъ столь противоположныхъ умовъ особенно замѣчательно несходство ихъ отношенія къ Западу. Если Герценъ является передъ нами разочарованнымъ западникомъ, то Страховъ, подобно всѣмъ славянофиламъ, можетъ быть названъ западникомъ не-очарованнымъ. Разочарованіе Герцена въ идеяхъ Запада было порождено его разочарованіемъ въ той западной жизни, которой они явились «гиперболическимъ» выраженіемъ; напротивъ, Страховъ относился критически къ этимъ идеямъ, стоя на русской почвѣ. Если Герценъ отрицалъ Западъ во имя его собственной жизни, то Страховъ критически относился къ духу западныхъ авторитетовъ, какъ они были приняты и поняты у насъ въ Россіи. Притомъ Страховъ, какъ всегда, такъ и въ «борьбѣ съ Западомъ» направлялъ свой анализъ на положительныя, конкретныя явленія дѣйствительности, на опредѣленныхъ писателей, опредѣленныя мнѣнія; сравнительно съ идеализмомъ Герцена его мысль проникнута глубочайшимъ реализмомъ, объективна въ высшей степени. Истинный критикъ, онъ ничего не «проповѣдуетъ», кромѣ справедливости къ предметамъ своихъ разборовъ. Потому, повторяемъ, основная мысль его «Борьбы съ Западомъ» сводится къ борьбѣ съ вліяніями на русскую литературу наиболѣе громкихъ авторитетовъ Запада, причемъ эта борьба выражается ни болѣе, ни менѣе, какъ безпристрастной критикой основныхъ идей этихъ авторитетовъ. Публицистическое значеніе и вліяніе такой критики, разумѣется, должно неизбѣжно сводиться къ возбужденію умственной независимости, свободы предъ всякими авторитетами, иначе сказать—къ возбужденію умственной самобытности предъ лицомъ западной культуры. Такимъ, образомъ въ своихъ трехъ книжкахъ «Борьбы съ Западомъ» Страховъ даетъ, по терминологіи Н. Я. Данилевскаго, критику современныхъ источниковъ европейничанья, главнымъ образомъ, въ области религіи и исторіи. Совершенно справедливо считая характернѣйшей особенностью духовной жизни современной Европы всеобщій скептицизмъ, Страховъ указываетъ въ своихъ статьяхъ, какъ даже великія литературныя дарованія Ренана или Тена отравлены плоскимъ и безжизненнымъ скептицизмомъ этихъ писателей, т. е. чистымъ философскимъ отрицаніемъ въ его самыхъ жалкихъ и мелкихъ формахъ. Впрочемъ, помимо источниковъ европейничанья, «Борьба съ Западомъ» касается трехъ весьма обширныхъ предметовъ—именно взгляда на развитіе нашей литературы, какъ на борьбу съ Западомъ (статья «Ходъ нашей литературы, начиная отъ Ломоносова»), «Россіи и Европы» Данилевскаго и, наконецъ, анализа различія культуръ, какъ движущаго начала

политики (статья «Роковой вопросъ» и приложения къ ней). Но этотъ рядъ статей настолько близко связанъ въ нашемъ пониманіи съ чисто критическими статьями Страхова, что будетъ понятенъ только въ совмѣстномъ съ ними изложеніи и разборѣ.

V.

«До 1873 года (года поступления въ Публичную бібліотеку), меня несла волна; теперь я былъ въ гавани»,—писалъ Страховъ въ «біографическихъ свѣдѣніяхъ».—«Я постоянно чувствовалъ недостатокъ образованія и потому рѣшилъ: лѣтъ десять ничего не писать и учиться. Я сталъ покупать книги (это была моя охота, развлеченіе) и проводилъ вечера за чтеніемъ философовъ, богослововъ, поэтовъ—всего важнѣйшаго во всемірной литературѣ. Вообще я рѣшилъ, что я урожденный словесникъ; естественныя науки не увлекали меня, а всякій успѣхъ въ языкахъ неизгладимо оставался въ памяти.

«Въ 1875 г. я поселился вмѣстѣ съ Д. И. Стахѣевымъ тамъ, гдѣ теперь живу.

«Въ 1882 г. я напечаталъ Борьбу; книжка быстро разошлась, и съ этихъ поръ начинается рядъ моихъ изданій. Я подбиралъ однородныя статьи и писалъ новыя для ихъ пополненія. Книжки шли не быстро, но шли; я успѣвалъ расплачиваться съ бумажной лавкой и типографіей, и затѣмъ мнѣ оставался очень маленькій прибытокъ, можетъ быть, со всѣхъ книгъ 200—300 р. въ годъ. Всего больше меня поддерживали изданія «Россіи и Европы» на половинныхъ издержкахъ и половинныхъ прибыляхъ.

«Въ 1885 г. умеръ Н. Я. Данилевскій, и я сталъ собираться умирать. Я подалъ въ отставку изъ Публичной бібліотеки и вышелъ съ чиномъ превосходительства и пенсіею въ 377 р. въ годъ. Съ 1889 г. я избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, съ 1893 г. почетнымъ членомъ психологическаго общества и съ 1894 г. почетнымъ членомъ славянскаго общества.

«За границей я былъ четыре раза, въ 1862, 1875, 1884 и 1893 гг. Въ 1875 г. съ семействомъ Вышнеградскихъ, съ апрѣля по іюнь,—одна Италія; 1884—три мѣсяца, іюль—сентябрь,—одна Германія: Берлинъ (3 недѣли), Эмсъ—коротенькое лѣченье, Байрейтъ—оперы Вагнера,—Мюнхенъ. Въ 1893 г.—большое лѣченіе въ Эмсѣ, потомъ Мюнхенъ—оперы Вагнера.

«Въ Россіи былъ на Кавказѣ въ 1859 году: Пятигорскъ, Военно-Грузинская дорога, Тифлисъ, Каджора. Въ Самарской губерніи, въ имѣніи Л. Н. Толстаго на кумысѣ—1874; въ Оптинной пустыни съ Л. Н. Толстымъ—1879; въ Петрозаводскѣ два раза—1870 и 1871; Кивачъ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь Страховъ забылъ упомянуть о своихъ поѣздкахъ къ Н. Я. Данилевскому въ Крымъ и къ Фету въ Орловскую губернію, а также къ своимъ роднымъ въ Кіевъ, который чрезвычайно ему нравился.

«Знакомство съ Л. Н. Толстымъ случилось въ 1871 г. Послѣ статей о Войнѣ и Мирѣ я рѣшился написать ему письмо, въ которомъ просилъ дать что нибудь для напечатанія въ «Зарѣ». Онъ откликнулся на это и не только не отказалъ, а прибавилъ настоятельную просьбу захватить къ нему въ Ясную Поляну, если представится возможность. Въ 1871 г. я получилъ изъ «Зари» 400 р., которые долго задерживались, и въ июнѣ поѣхалъ погостить у своихъ родныхъ въ Полтавѣ. Возвращаясь въ Петербургъ, я остановился въ Тулѣ, переночевалъ, взялъ извозчика и поѣхалъ въ Ясную. Съ тѣхъ поръ мы выдаемся каждый годъ, т. е. обыкновенно я лѣтомъ гощу у него мѣсяць, полтора. Мы иногда спорили, охлаждали другъ къ другу, но добрыя чувства скоро брали верхъ; семья его полюбила меня, и теперь во мнѣ видятъ стараго неизмѣннаго друга, каковъ я и есть на самомъ дѣлѣ.

«Вотъ, кажется, все важнѣйшее. Внутренняя моя жизнь, т. е. мои грѣхи, покаянія, радости и горести, всегда казалась мнѣ очень труднымъ предметомъ (какимъ тономъ ее писать?) и едва ли стѣщимъ того труда, который нужно бы на нее положить».

Къ этому очерку остается сдѣлать небольшія, но довольно существенныя дополненія, а именно по вопросу объ издательской дѣятельности Страхова. Она, какъ выше сказано, началась еще въ 1857 г. напечатаніемъ его диссертации; затѣмъ въ 1865 г. была издана брошюра «О методѣ естественныхъ наукъ и ихъ значеніи въ общемъ образованіи» (до сихъ поръ не распроданная!), къ которой въ 1867 г. присоединилась другая, перепечатка изъ «Отечественныхъ Записокъ» статьи «Бѣдность нашей литературы». Эти первыя попытки закончились неудачнымъ изданіемъ въ 1872 г. книги «Миръ, какъ дѣло», не имѣвшей совершенно успѣха и едва разошедшейся въ теченіе 20 лѣтъ черезъ букинистовъ. Всѣ эти изданія не принесли Страхову ничего, кромѣ расходовъ, непріятностей и тяжелаго чувства—сознанія всеобщаго пренебреженія. Въ 1876 г. онъ приступилъ къ изданію сочиненій Григорьева и выпустилъ первый томъ, въ которомъ собралъ всѣ главныя, руководящія статьи этого критика; но и эта книга встрѣчена была всеобщимъ равнодушіемъ. Иначе пошло дѣло съ самаго начала 80-хъ годовъ, составившихъ второй періодъ издательской дѣятельности Страхова. Въ 1881 г. появились его «Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ», а въ 1882 г. первая книжка «Борьбы съ Западомъ»; одновременно возникъ большой спросъ на «Россію и Европу», въ изданіи которой онъ принималъ участіе, и этотъ первый успѣхъ повелъ за собой изданіе въ 1883 г. второй книжки «Борьбы съ Западомъ» и затѣмъ съ 1886 г. всего послѣдующаго ряда его книгъ, а также въ 1890 г. «Сборника политическихъ и экономическихъ статей» Н. Я. Данилевскаго и въ 1894 г. посмертнаго собранія лирическихъ стихотвореній Фета. Всѣ эти изданія

стались результатомъ поздняго, но несомнѣннаго и глубокаго поворота общественныхъ симпатій къ столь долго забытому писателю. Цѣлкому изъ незамѣтнаго сотрудника славянофильскихъ и консервативныхъ журналовъ Страховъ становится вѣскимъ и значительнымъ авторитетомъ въ области литературной критики. Безспорно, первый толчекъ этому повороту общественнаго мнѣнія данъ былъ посмертнымъ изданіемъ сочиненій и писемъ Достоевскаго, изъ которыхъ многіе впервые узнали съ удивленіемъ, что въ русской литературѣ существуетъ какой-то Страховъ, передъ сужденіями котораго въ дѣлѣ литературы самъ Достоевскій преклоняется, какъ передъ безусловнымъ авторитетомъ, не находя достаточно высокихъ похвалъ и вообще для всѣхъ его произведеній; но понемногу ростъ авторитета Страхова пошелъ своимъ собственнымъ ходомъ и особенно усилился съ развитіемъ и распространеніемъ философскаго образованія въ нашемъ обществѣ, а также и съ успѣхомъ произведеній гр. Л. Н. Толстого въ Европѣ, заставившимъ замолчать его прежнихъ хулителей и вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинувшимъ на первый планъ глубокомысленнаго критика, за десятки лѣтъ до этого успѣха, среди всеобщаго глумленія и насмѣшекъ, указавшаго истинное значеніе знаменитаго романиста. Наконецъ, въ послѣдніе годы Страховъ, можно сказать, одержалъ рѣшительную побѣду надъ замалчивавшими его противниками и на каждомъ шагу началъ убѣждаться, что его книги не только идутъ, но и живутъ, т. е. находятъ все новыхъ и новыхъ читателей, все глубже и полнѣе проникающихся къ поддержанію и начинающихъ сознавать, что эти книги—одно изъ лучшихъ украшеній русской литературы, что имъ предстоитъ еще огромное вліяніе въ будущемъ. И съ этимъ сознаніемъ онъ могъ умереть спокойно.

Заключеніемъ настоящему очерку долженъ послужить обзоръ вѣтлвости Страхова, какъ литературнаго критика, и общая оцѣнка его значенія въ цѣломъ для русской литературы. Уже на основаніи изложеннаго выше легко заключить, до какой степени должно было быть пессимистично настроеніе Страхова, этого критика и эстетика, точно чудомъ какимъ попавшаго въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, и путемъ глубокаго изученія, долгаго размышленія и опыта цѣлой жизни приведеннаго къ убѣжденію въ общемъ и повсемѣстномъ упадкѣ философіи, естествознанія, политическихъ наукъ и нравственныхъ основаній быта всего человѣчества. То, что онъ любилъ свое пламеннѣе и глубже, обманывало всѣ его упованія и надежды и съ каждымъ днемъ все меньше обѣщало въ будущемъ. Страховъ переослѣдилъ нашъ вѣкъ во всѣхъ его явленіяхъ, отъ самыхъ крупныхъ до самыхъ микроскопическихъ, и вездѣ нашелъ безотрадный упадокъ, полное духовное вырожденіе; онъ былъ критикомъ, даже, если угодно, публицистомъ эпохи нигилизма, которая въ исторіи человѣчества явилась какъ бы противоположнымъ полюсомъ эпохи

возрожденія, знаменуя, какъ и та, поворотъ исторіи къ какому-то новому будущему. И на этомъ поприщѣ Страховъ погибъ бы въ безвыходномъ пессимизмѣ, когда бы не его несокрушимая вѣра въ это будущее, вѣра, имѣвшая свой палладіумъ въ лицѣ Россіи. Въ нее Страховъ вѣрилъ также твердо и неколебимо, какъ не вѣрилъ въ Западъ. Онъ чувствовалъ, что живетъ въ печальное, переходное время, но чувствовалъ и то, что изъ этого времени есть исходъ во что-то неизмѣримо лучшее и высшее, а его патріотизмъ, съ дѣйства одушевлявшій все его существо самыми лучшими вдохновеніями, подсказывалъ ему, что ключи къ этому исходу будутъ даны его отечествомъ, Россіей, русскимъ народомъ, русскимъ творчествомъ. А залогомъ этой вѣры для него было искусство. Единственное, чѣмъ дѣйствительно замѣчательнъ и прекрасенъ истекающій вѣкъ, это—русское художественное творчество. Пушкинъ и Глинка—это такія имена, такія свѣтила, которыхъ появленіе общаетъ породившему ихъ народу неизмѣримое будущее. Между тѣмъ эти имена еще и не были одиноки: цѣлая плеяда свѣтилъ, одно другаго прекраснѣй и лучезарнѣе, поднялась за ними, точно выступая изъ-за разсѣивающихся ночныхъ тучъ. Западъ, для котораго давно закатилось и солнце религіи и даже луна философіи, который давно зажегъ искусственные огни, фейерверки революціонныхъ ученій, уличные фонари популярнаго знанія, свѣчи и лампы индивидуалистической мысли, по неволѣ удерживающей ученаго въ четырехъ стѣнахъ тѣсной специальности,—этотъ Западъ былъ пораженъ внезапнымъ зрѣлищемъ, когда передъ нимъ засіяли неожиданныя свѣтила живаго, свѣжаго и чистаго творчества. Его лучшіе представители растерялись и, чувствуя что-то новое на востокѣ, отвѣчали на него или пренебреженіемъ, или ненавистью, или наконецъ инстинктивнымъ, бессознательнымъ преклоненіемъ. Въ этихъ чувствахъ вѣра Страхова находила себѣ новыя опоры и подтвержденія. А, кромѣ того, эстетикъ и критикъ, онъ всего привольнѣе, всего болѣе на мѣстѣ чувствовалъ себя въ области искусства. Здѣсь его дарованія находили наиболѣе соответствующее поприще, здѣсь его чувства восторга и благоговѣнія предъ истинно великимъ и прекраснымъ могли проявляться съ полною силой и глубиною. Русское художественное творчество давало міру одно за другимъ такія произведенія, которыя обезоруживаютъ всякое осужденіе, которыя поднимаются надъ самыми восторженными похвалами, которыя всецѣло прекрасны и геніальны, и такія, въ которыхъ положительныя стороны во всякомъ случаѣ перевѣшивали отрицательныя. Въ области искусства для русскаго критика пессимизмъ невозможенъ, и въ ней-то и почерпалъ Страховъ, какъ Антей, бодрую и сильную вѣру въ будущее, которая изнемогала порою подъ напоромъ торжествующаго нигилизма, скептицизма, позитивизма и прочихъ умственныхъ повѣтрій нашего столѣтія. Этимъ обусловлена и характернѣйшая особенность

критических статей Страхова, которые всё почти посвящены похваламъ, а не порицанію, такъ какъ написаны по поводу лучшихъ произведеній нашихъ лучшихъ художниковъ. Притомъ величіе русскаго художественнаго творчества тѣмъ дороже и отраднѣе было Страхову, что въ другихъ областяхъ просвѣщенія его вѣра не имѣла такихъ надежныхъ и великихъ залоговъ, и онъ горько и болѣзненно живо чувствовалъ это. Онъ глубоко сознавалъ, какія великія требованія предъявляетъ исторія къ Россіи, приводя ея могущественный политическій организмъ въ соприкосновеніе съ утонченною западною культурою, и хотя ни на минуту не усомнился, что русскій народъ достойно отвѣтитъ на всё запросы и требованія, но понималъ тѣмъ не менѣе, что до настоящаго времени русская культура еще загадочная величина будущаго, которую трудно и предугадывать. Въ этой непропорціональности нашей культуры и нашей политической мощи онъ справедливо видѣлъ сущность «роковаго вопроса» — разгадку враждебности къ Россіи Европы, а въ частности поляковъ, и высказалъ свою мысль съ полной прямою и точностью въ своей непонятой статьѣ. Эта непропорціональность и была для него основаніемъ къ противопоставленію Россіи, какъ самобытнаго міра, всей Западной Европѣ, противопоставленію, которое сближало его и съ Данилевскимъ, и съ славянофилами. Какъ извѣстно, Страховъ даже формально причислялъ себя къ славянофильской школѣ. «Я порѣшилъ», — писалъ онъ ¹⁾, — «что нужно прямо признавать себя славянофиломъ, когда признаешь существенныя начала этого ученія. Славянофильство вѣдь есть не надуманная и оторванная отъ жизни теорія: оно есть естественное явленіе, съ положительной стороны — какъ консерватизмъ, то-есть приверженность къ давнишнимъ началамъ русской жизни, съ отрицательной — какъ реакція, то-есть желаніе сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на насъ Западомъ». Но во всякомъ случаѣ это славянофильство Страхова требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ.

Въ Россіи не существуетъ и не можетъ существовать политическихъ партій въ томъ смыслѣ, какъ онѣ существуютъ на Западѣ, т. е. партій, представляющихъ собою интересы и воззрѣнія какого либо опредѣленнаго сословія или класса; у насъ могутъ существовать только партіи литературныя, т. е. кружки лицъ, болѣе или менѣе сходящихся въ мнѣніяхъ по наиболѣе существеннымъ вопросамъ нашей дѣйствительности. Оттого у насъ вмѣсто партій существуютъ только журналы «съ направленіемъ», чрезвычайно гордо присвоивающіе себѣ самимъ и раздающіе направо и налево готовые ярлыки «либеральный», «консервативный», «реакціонный» и т. п. Само собою разумѣется, что эти ярлыки такъ ярлыками и остаются, ничего собою не выражая и не обозначая, кромѣ развѣ

¹⁾ Воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, стр. 204—205.

«нашъ», «свой» и «чужой». Безъ всякаго пристрастия можно сказать, что у насъ направленія имѣють только писатели; читатели же никогда ни къ какому «направленію» не принадлежатъ и зачастую читають именно тѣ газеты и журналы, которыя имъ наиболѣе симпатизируютъ. И вполне понятно: когда рѣчь идетъ о словесныхъ, политическихъ или экономическихъ интересахъ, то представителямъ сословія легко столковаться; но столковаться вообще во взглядахъ и мнѣніяхъ по всѣмъ рѣшительно вопросамъ умственной жизни очевидно невозможно. Ничья совѣсть не можетъ умягчиться въ газетномъ листѣ или книжкѣ журнала. Наши «направленія», сводящіяся въ большинствѣ случаевъ къ чисто личному складу мнѣній и взглядовъ (у насъ всѣ истинно значительные журналы и газеты являются чисто личными органами редакторовъ или издателей), несносная обуза для мыслящаго человѣка, что бы онъ ни былъ, и потому у насъ даже писатели, обладающіе хоть какою нибудь умственною самостоятельностью, остаются внѣ всякихъ партій или сами создаютъ свой журналъ или газету. Можно сказать, что каждый самобытно мыслящій умъ въ Россіи уже является партіей и ни одной партіи не удовлетворитъ, а потому получитъ немедленно свою собственную кличку, готовый, болѣе или менѣе желанный, ярлыкъ. Такъ было, на примѣръ, въ свое время и съ славянофилами, имѣвшими между собою по существу дѣла очень мало общаго, но всего менѣе общаго со славянами, которые гораздо больше были имъ навязаны, чѣмъ ими дѣйствительно восприняты. Такъ и въ наше время обстоитъ дѣло съ консерваторами, которые всѣ не имѣють между собою ничего рѣшительно общаго и наоборотъ зачастую оказываются злѣйшими врагами истинно народныхъ, истинно православныхъ, истинно монархическихъ воззрѣній. Такъ же точно случилось и со Страховымъ, который позволилъ себѣ не пользоваться готовыми взглядами, а имѣть свои собственные, и за то былъ обреченъ изъ-подъ всѣхъ подворотенъ. На самомъ дѣлѣ онъ не принадлежалъ ни къ одному журналу, а являлся какъ бы типичнымъ русскимъ читателемъ, отъ котораго мы требуемъ не готовой сфривалы исповѣданія, а только здравыхъ и вѣрныхъ сужденій. При томъ Страховъ, какъ внимательному читателю, надѣемся, уже иено изъ предшествующаго, представлялъ изъ себя совершенно определенную, точную и цѣльную величину, мыслителя съ выработаннымъ, законченнымъ и стройнымъ мировоззрѣніемъ, но только не сдѣланнымъ подъ готовый ярлыкъ, а уясняющимся читателю изъ долгаго и самостоятельнаго изученія всей совокупности его прекрасныхъ произведеній. Въ этомъ смыслѣ Страховъ не только различалъ воззрѣнія, но и литературную судьбу своего друга Данилевскаго, до сихъ поръ остающагося великой загадкой для читателей, не смотря даже на широкій успѣхъ его главнаго сочиненія. Съ произведеніями обоихъ этихъ писателей никакъ нельзя раздѣляться крат-

кимъ приговоромъ, въ родѣ «ретроградъ», «реакціонеръ», «метафизикъ» и т. п. «обидными» кличками; ихъ надо читать и изучать, надъ ними надо размышлять, на нихъ надо учиться. А такъ какъ все это очень трудно, то большинство «читателей» (ставимъ это слово въ кавычкахъ потому, что читателемъ у насъ чаще всего называется не тотъ, кто дѣйствительно читаетъ, а тотъ, кто могъ бы или долженъ бы былъ читать, но, не смотря на это, читать ничего не хочетъ) предпочитало игнорировать такихъ «трудныхъ» писателей, пока время не взяло на себя трудъ выяснитъ ему, что эти произведенія должны быть настольною книгою каждаго мыслящаго русскаго человѣка.

Въ предшествующемъ отчасти уже намѣчена основная мысль литературной критики Страхова: основной задачей русскаго искусства онъ считалъ созданіе, или, вѣрнѣе, художественное возсозданіе героическихъ идеаловъ и героическихъ воззрѣній русскаго народа; а въ связи съ этой основной задачей характернѣйшей особенностью всего хода русской литературы—освобожденіе отъ увлеченій западными героическими идеалами. Обѣ эти точки зрѣнія совпали съ основами воззрѣній замѣчательнѣйшаго русскаго критика— Григорьева, и безспорно выяснились (поскольку выяснились) самому Страхову подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Григорьева; тѣмъ не менѣе эти взгляды стоятъ въ такой тѣсной и прямой связи со всѣмъ міровоззрѣніемъ самого Страхова, что трудно говорить о какомъ либо съ его стороны заимствованіи. Здѣсь была просто встрѣча на одинаковыхъ выводахъ совершенно разнородныхъ умовъ, шедшихъ каждый своею дорогою; безъ всякой натяжки можно утверждать, что и безъ Григорьева Страховъ сталъ бы на свою точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ во многомъ расходился съ нимъ, хотя бы, на примѣръ, высоко ставя Полонскаго, которому Григорьевъ придавалъ очень небольшое значеніе, или, наоборотъ, безпристрастно развѣнчивая Тургенева, котораго Григорьевъ ставилъ очень высоко, не взирая даже на то, что прекрасно понималъ крупные художественные (оставляя совершенно въ сторонѣ идейные) недостатки его произведеній. Наконецъ оцѣнку гр. Л. Н. Толстому Страховъ далъ совершенно самостоятельно и притомъ до такой степени въ духѣ Григорьева, что, будь тотъ живъ, онъ обѣими руками подписался бы подъ приговорами своего младшаго друга. Къ этому надо еще прибавить, что собственно эстетическое пониманіе, чувство мѣры, вообще вкусъ, у Страхова были неизмѣримо тоньше и точнѣе, чѣмъ у его предшественника. Потому, если Григорьевъ установилъ правильную точку зрѣнія на ходъ и задачи русской литературы, то Страховъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ, оригинальныхъ и притомъ изумительно вѣрныхъ выводовъ по частнымъ вопросамъ, особенно о гр. Л. Н. Толстомъ и лирическихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Можно смѣло сказать, что въ произведеніяхъ Григорьева и

Страхова заключено все положительное содержаніе русской критики, и что прочіе писатели на этомъ поприщѣ сравнительно съ ними представляютъ только историко-литературный интересъ, а никакъ не болѣе.

Итакъ, подводя послѣдніе итоги настоящаго очерка, спросимъ себя въ заключеніе: что же такое былъ Страховъ, и какую величину представляетъ онъ изъ себя въ русской литературѣ? По основамъ своего міровоззрѣнія онъ былъ эстетикъ, по содержанію своей дѣятельности критикъ, а по ея приемамъ художникъ. Вотъ три понятія, которыми намѣчается сущность его духовнаго облика; ими же опредѣляется и значеніе его дѣятельности. Какъ натура созерцательная, не дѣятельная, онъ не выступилъ учителемъ, проповѣдникомъ, руководителемъ, создателемъ направленія; какъ художникъ, онъ не примкнулъ ни къ какой школѣ, остался вольнымъ зрителемъ міра; наконецъ, какъ критикъ, онъ примыкалъ въ своихъ произведеніяхъ къ объективно существующимъ, наличнымъ произведеніямъ чужого творчества, а не выступалъ творцомъ на арену литературной дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная независимость и прямота мысли, полная смѣлость и свобода сужденія, обширнѣйшее въ Россіи образованіе поставили его наравнѣ съ просвѣщеніемъ его вѣка и помогли ему произнести надъ этимъ просвѣщеніемъ

Судъ, который во лжи уличить вѣкамъ не придется.

Между тѣмъ, такъ или иначе, подчиняясь или сопротивляясь духу этого просвѣщенія, отъ него должно пойти все умственное движеніе будущаго. Критика нашей науки, нашей философіи, нашей государственности, нашего искусства необходима и неизбѣжна; она должна начать ближайшія поколѣнія, чтобы такъ или иначе подвести счеты съ тою культурою, которая завѣщена человѣчеству девятнадцатымъ столѣтіемъ. Между тѣмъ часть этихъ счетовъ подведена и часть этой критики уже сдѣлана человекомъ, вполне равнымъ своему вѣку просвѣщеніемъ и далеко превосходящимъ его шириной и глубиною взгляда. Потому смѣло можно сказать, что произведенія Страхова послужатъ неизбѣжной и глубоко благотворною школою для всей научной, философской и художественной мысли ближайшаго будущаго. Страховъ не предугадалъ его ни въ чемъ положительномъ, но предупредилъ его въ самомъ трудномъ и существенномъ, именно — въ критикѣ ближайшаго прошлаго, и такимъ образомъ заранѣе открылъ ему пути и указалъ даже главнѣйшія задачи положительнаго творчества. Оттого намъ трудно еще опредѣлить въ настоящее время все значеніе его литературныхъ заслугъ; но можно уже теперь предугадывать ихъ великія послѣдствія и на произведеніяхъ Страхова воспитывать и готовить свои умы къ надвигающимся запросамъ, открытіямъ и событіямъ.